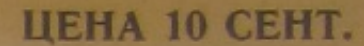

№ 70-71

ЦЕНА 10 СЕНТ.

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

АПРЕЛЬ-МАЙ 1932 г.

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
„Dielo Trouda," 237 N. Fairfield Ave., Chicago, Ill.

8-й год издания

576

ПЕРВОЕ МАЯ

В году много праздников: иные установлены церковью и ведут свое начало с языческих времен, эти праздники — дань невежеству; другие установлены правящим классом, буржуазией, в ознаменовании каких либо выдающихся событий из истории этого класса. Только трудящиеся не имели своих праздников, несмотря на то, что история их борьбы богата выдающимися событиями, достойными того, чтобы быть праздниками, днями воспоминаний о героическом прошлом и днями надежд на грядущее будущее.

В 80-х годах прошлого столетия был установлен первый пролетарский праздник — день Первого Мая. Этот день, по первоначальному замыслу, должен был быть днем демонстраций пролетарских сил, подготовкой к генеральной битве за полную свободу, за неурезанное экономическое равенство и за братское сожительство людей вне опеки государства и начальства. Демонстрирующие армии пролетариата должны были напоминать буржуазии и государственно-мыслящим людям, что конец их господства приближается. Так оно и было в течении двух с половиной десятилетий: первомайские забастовки и демонстрации были страшны господствующему классу. День Первого Мая был днем социальной революции и в этот день пролетариат действительно был преисполнен революционного огня. В силу этого буржуазия свирепо преследовала празднование Первого Мая. Но с течением времени, благодаря вырождению социализма в парламентский кретинизм и превращению социалистов в законопослушных телят, день Первого Мая потерял свою революционную сущность и превратился просто в парад. Ныне Первое Мая — форма без содержания во многих странах, а в СССР в особенности. Там этот день стал казенным, его официально празднуют те, кто жесточайшим образом угнетает пролетариат и уничтожает всякие попытки к свободе и экономическому равенству, во имя же свободы и равенства!

До тех пор, пока существует пролетариат, как класс, до тех пор, пока существуют вообще классы, у пролетариата не может быть своих праздников, которые не превратились бы в пустую и гнусную по обману комедию и издевку над его заветными чаяниями. Не праздники, а дни борьбы, дни генеральной мобилизации, дни пробы своих сил, вот что может и должен иметь пролетариат теперь.

В наш век торжествующего мещанства и пошлости необходимо вдохнуть в день

Первого Мая его первоначальное революционное содержание или совершенно отказаться от него.

Вдохнем же революционную силу в день Первого Мая, воодушевившись примером Чикагских Мучеников!

Сделаем этот день международным днем пропаганды Социальной Революции действием, днем обостренной борьбы за неурезанные права человека для всех людей.

Да здравствует Первое Мая, как пробная мобилизация к социальной революции, всеочищающей и всеспасающей!

Г. Максимов

Современное положение и наша программа.

(Окончание)

Рядом с задачами организации производства стоит, как мы уже говорили, вторая наша задача — **освобождение труда.** Когда мы говорим о передаче производства в руки профессиональных союзов, мы, конечно, не предполагаем, что эти союзы будут **собственниками** выработанных ими продуктов. У нас нет возможности доказывать здесь, почему такое превращение общества в сеть простых производительных кооперативов не кажется нам ни желательным, ни возможным.

Профессиональным организациям должно принадлежать только **заведывание** производством, тогда как продукты труда, как и все вообще наличные богатства, составляют имущество всей совокупности членов общества. Здесь возникает вопрос о распределении и об оплате труда. Мы не знаем, конечно, насколько в близком будущем удастся провести в жизнь анархо-коммунистические взгляды на этот вопрос — взгляды, резко расходящиеся с общепринятыми, даже в социалистической среде; но как бы то ни было, наша деятельность должна неуклонно идти в направлении нашего понимания коммунизма и создания таких форм, которые наиболее к нему приближаются. Общий наш принцип можно формулировать так: **труд и потребление должны быть раз'единены;** каждый член общества имеет право на свою долю общественного богатства не потому и не посколько он ее заслужил своим трудом, а просто в силу своего прирожденного права на жизнь. А вносить свою лепту в общую сокровищницу он должен не под угрозою умереть с голоду, а потому, что, во-первых, труд — тот или иной — потребность всякого здорового человека, а во-вторых, он сознается как необходимое условие жизни общества. Это — единственная постановка вопроса, делающая труд действительно свободным. Практическая организация **процесса труда** — дело производителей; практическая организация **распределения продуктов** — дело потребителей, т. е. всего населения, организованного в разного рода ассоциации для этой цели. Нам говорят, что для того широкого распределения по потребностям, которого требует истинный коммунизм, человеческие общества недостаточно богаты; что изобилие придет когда-нибудь, в эпоху, которую практически мы предвидеть не можем. Возможно, что и так; допустим самые неблагоприятные условия, даже крайнюю бедность. Но и здесь мы всегда должны отстаивать в первую голову удовлетворение **потребностей,** при том потребностей тех, кто наиболее страдает от лишений, наиболее слабых членов общества, и уже ни в каком случае не наиболее „ценных“ и „нужных“ общественных единиц. Утешим „практичных“ людей, которые нам скажут с насмешкой, что эти „благородные чувства“ дорого обойдутся обществу: эти „практичные“ люди очень близорукие экономисты. То, что истратится на „безполезных“ людей, с избытком покроется тем укреплением общественной солидарности, тем внутренним единением нового общества, которое составит надежнейший источник его силы. Все эти преславутые „лентяи“, о которых так много говорилось прежде, все эти остатки старой буржуазии, плохо приспособленные к труду, о которых говорится теперь, не обойдутся обществу так дорого, как обойдется создание в его среде категории париев.

Значение принципа, на котором построено в данном обществе распределение продуктов, громадно. От того или иного решения этого вопроса зависит и истинное освобождение труда, и обезпечение всестороннего развития личности, и самое существование безгосударственного общества. Это — пункт анархического мировоззрения, который, под страхом безысходных противоречий, не допускает никаких уступок. А между тем, именно здесь обычно легко мирятся с „временными“, „переходными“, совершенно бьющими мимо цели решениями.

В **политической** области, ближайшая и очередная задача анархизма — борьба против всякой диктатуры, какого бы происхождения она ни была. Если мы счи-

таем, что политическое будущее человечества — в свободном, безгосударсвенном обществе, то для нас очевидно, что не на пути диктатуры разрешаются вопросы, поставленные „кризисом парламентаризма“. В связи с этим ведутся часто вокруг нас, да и в нашей среде, довольно хаотические споры о демократии. Как это не странно, но демократия в глазах некоторых отождествляется не только с парламентаризмом, но даже... с господством буржуазии! Совершенно забывают, что такие факты исторической политической эволюции, как уравнение политических прав, усиление общественного контроля над властью, замена монархий республиками, расширение свободы слова, печати, партий, организаций и т. д. — все это завоевания демократической идеи, идеи свободы и политического равенства. Если буржуазия, при своем зарождении, явилась защитницею этих идей, то конечно не потому, что между ними и ее экономическим господством существовала внутренняя неразрывная связь, а потому, что сословный слой, с господством аристократии, ставил ее в положение подчиненного класса, безправного „третьего сословия“. Как угнетенные религии всегда являются защитницами свободы совести, так и угнетенные сословия и классы всегда борятся за политическое и юридическое равенство, что не мешает им, когда победа достанется им, в свою очередь нарушать все те принципы, за которые они так горячо ратовали. Но от этого ни свобода, ни равенство, ни веротерпимость не перестают быть необходимыми требованиями человечества в его развитии. Идеал безгосударственного общества анархистов есть в сущности ничто иное, как максимум развития демократических принципов, действительное, а не юридическое, не формальное только, торжество свободы. Поэтому, когда говорят, что анархисты отрицают демократию, это — слишком упрощенный способ выражения, который рискует повести к самым грубым ошибкам. Анархисты не демократию отрицают, а **всякую** государственность, **даже** демократическую, потому что и она дает только фикцию: представительное правление, которое анархисты стремятся заменить **действительным** самоуправлением, т. е. свободным соглашением. Отношение анархистов к современной демократии совершенно обратно отнтшению идеологов диктатуры. Одни говорят: „современная демократия дает лишь фикцию свободы и самоуправления, будем бороться за их **действительное** осуществление“; другие говорят: „демократия полна недостатков, а потому выбросим за борт всякую свободу и всякое самоуправление вообще“.

Режим диктатуры — особенно диктатуры революционной — выдвинул вопрос о праве революционеров ограничивать свободу своих идейных противников. Оговоримся: речь идет не о праве самозащиты, с оружием в руках если нужно, от вооруженного нападения: это право — и даже этот долг — неоспоримы. Нет, речь идет о другом: в обществе, где превосходство сил оказалось на стороне революционеров, можно ли оправдать запрещение газет противников, их собраний, их организаций, вообще — их пропаганды? Собственно, для анархистов казалось бы диким ставить такой вопрос, но чего не бывает в наше парадоксальное время? Мы знаем, как определенно и самодержавно отвечают на этот вопрос большевики, и мы знаем — к стыду своему — что есть анархисты, оправдывающие весь этот деспотизм соображениями какой-то революционной необходимости. Но одно из двух: или мы считаем, что сильная власть может вести человечество вперед — и тогда мы — не анархисты, а сторонники „просвещенного деспотизма“; или, если слово „анархизм“ имеет для нас какое-нибудь содержание, мы разсчитываем в развитии человечества, на его самодеятельность, на развитие личной и общественной инициативы, на благотворное действие новой, изменившейся среды — и тогда мы не можем ни в какой момент и ни в какой мере мириться с приемами диктатуры. Наше отношение к политическим врагам может быть тогда только одно — то, которое так красноречиво выразил, кажется, Вольтер: „Ваши идеи мне ненавистны, но я сделаю все для того, чтобы вы могли безпрепятственно распространять их“. А если кто нибудь из мало продумавших этот вопрос товарищей возразит: „Это — вредное для революции прекраснодушие“, то мы спросим его: „Если то, что составляет самую душу анархизма кажется вам вредным, то почему вы — анархист? И в чем ваш анархизм?“

В выработке руководящих начал для практической деятельности, анархисты наталкиваются на одно препятствие, на серьезность которого нельзя закрывать глаз. Ведь речь идет о том, какую положительную **программу** предложить массам в момент, когда революция предоставляет им — иногда очень не надолго — творческую роль и возможность положительной инициативы. Более чем вероятно, что к этому моменту анархическое понимание вещей еще не успеет настолько проникнуть в массы, чтобы анархистам удалось увлечь их за собою на строительство анархо-ком-

мунистического строя в его чистом виде. Для этого голос анархистов недостаточно громко раздается теперь, в подготовительный период, и даже если учесть те резкие перемещения влияния, какие бывают в момент революции (именно это выдвинуло в России большевиков), то во всяком случае не нужно забывать, что их влияние не будет безразлично. Нельзя поэтому ожидать, что по-революционное общество станет сразу безгосударственным и вполне коммунистическим. Исходя из этого предвидения, некоторые наши товарищи, анархисты и синдикалисты, приходят к мысли о необходимости некоего „переходного периода" и такой частичной, минимальной программы, которая была бы в этот период осуществима. Ход их мысли понятен — и все-таки они стоят на ложном пути. Не повторяя всех наших старых аргументов против всяких программ - минимум вообще, напомним только одну историческую истину: партия, которая в какой-нибудь момент прячет половину своей программы, теряет эту половину навсегда и то, что она вчера считала программою-минимум, становится **всею** ее программою. А так как прячется в таких случаях всегда именно идейная основа жизни партии, то скоро вся деятельность ее превращается в случайную, поворачиваемую всеми ветрами сегодняшняго дня. Как же быт? Выход, с нашей точки зрения, может быть только один: программа должна быть намечена, но не программа тех или иных конкретных достижений, на которых мы согласны помириться, а программа, так сказать, **направления.** Вот, например, вопрос о государственной власти в по-революционном обществе. Можно сказать — и так говорят наши минималисты: „В переходном периоде власть сохранится для таких-то и таких-то функций (напр. борьбы с „контр-революцию", или „Власть должна быть в руках рабочих союзов, или советов и т. д."). А можно поставить вопрос иначе: в чьих бы руках ни была власть, мы в каждый данный момент боремся за то, чтобы вырвать от государства и передать в руки общественных организаций как можно большее число функций. Заведование производством — профессиональным союзам; распределение продуктов — организациям потребителей; организация пользования землею — крестьянским союзам. И все остальное — по тому же плану, на основании того же общего принципа (школьное дело, санитарное и т. д.). На этом пути всякое завоевание будет победою анархической идеи и приближением ее полного осуществления. Путь этот имеет еще то огромное преимущество, что требует максимум развития общественной и личной инициативы и самодеятельности, а потому сильнейшим образом ускоряет дальнейшее движение вперед.

Для периода до-революционного такого рода программа создает задачу подготовки для будущего таких организаций в различных областях жизни. Есть французская пословица: „Вполне уничтожено только то, что заменено". Когда в России была уничтожена вся частная торговля и государство взяло на себя обязанность снабжать население всем необходимым, оказалось, что бюрократические учреждения к этой задаче не подготовлены и частную торговлю нечем заменить (кооперативами, которые могли бы служить этой цели, воспользоваться не захотели по политическим соображениям). Отсюда — нэп, возстановление прав частного капитала, обратный ход революции. Из всех уроков русской революции, самый важный для будущего, это, пожалуй, тот, что она показала как легко разрушить экономическую жизнь и как трудно организовать ее. Оттого-то так и важно изучение экономического строительства будущего заранее и подготовка к нему. Революция не должна быть поставлена в такое положение, чтобы возврат назад явился единственным средством спасти жизнь населения. Это — тяжелое банкротство.

В заключение — несколько слов об одной, очень серьезной, стороне дела. Каждый честный, добросовестный революционер чувствует, какую ответственность он берет на себя — он и его партия — когда выдвигают требование полного, коренного переустройства общества. Особенно чувствуется эта ответственность в момент, когда открывается, после долгой борьбы, возможность практических осуществлений. И естественно является соблазн уклониться от этой ответственности, подождать пока успех будет вернее обезпечен, пока масса будет более подготовлена. Такое настроение мы видим теперь у многих добросовестнейших испанских товарищей. А между тем это очень опасно: история не ждет и упущенный момент может не возвратиться. Кроме того, только опыт может научить избегать ошибок и успех может быть обезпечен только этою ценою. Идти на риск поэтому необходимо — сделавши, конечно, все для того, чтобы свести его до минимума. Кроме заблаговременной подготовки, о которой мы говорили, у анархистов есть в этом отношении еще одна гарантия: это — то, что они ничего не навязывают сверху, произволом декретов, а обращаются к инициативе самой массы. На этом пути вернее и с меньшими

жертвами прививается то, для чего жизнь уже подготовила почву; то, что слишком опередило эпоху, предоставляется дальнейшей эволюции. Такова наша общая идейная и тактическая линия, отклоняться от которой мы не можем — все равно, далеко или близко осуществление нашего идеала.

М. Корн

Социалистическое строительство.

Каждый день большевики, а с ними вольные и невольные их подголосники, кричат: „мы строим СССР"!

Согласимся с ними на минутку и спокойно спросим их: „Что же хорошего построили вы, большевики, за все время своей ДИКТАТУРЫ? В чем именно выражается ваше строительство? Укажите нам, пожалуйста, ваши „гигантские" достижения.

Для большей ясности припомним начало и разгар великой Русской Революции, на знамени которой огненными буквами красовались лозунги наибольшей человеческой справедливости, возглявлявшие победоносное ее шествие: „Свобода, Равенство и Братство", „Земля — Крестьянам, Фабрики — Рабочим", „За Вольный Труд", „За Свободное Творчество" и т. д. и т. п.

Эти главнейшие идеалы, начертанные на революционном знамени, вдохновляли трудовые массы на титаническую борьбу за полное освобождение человека от ига капитала и власти. Иначе говоря, люди боролись за раскрепощение человеческого труда, за уничтожение социального неравенства, произвола и эксплуатации человека человеком, т. е. боролись за уничтожение рабства политического и экономического. Беззаветно преданные делу революции, искренние идеалисты стремились к тому, чтобы устроить жизнь Новой России на началах наибольшей человеческой справедливости — СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА и БРАТСТВА, — на которых зиждется ПРОГРЕСС, процветание стран и благосостояние народов.

Рабочие и крестьяне восприняли глубоко волновавшие их лозунги революции и, как львы, боролись за торжество великих идеалов. Они победили белых — помещиков и буржуазию, — стремившихся к установлению своей власти и утверждению капиталистической системы хищничества и эксплуатации.

Во время этой титанической борьбы революционных масс с приверженцами старого царского режима и капитализма, большевики, как истые маккиавеллисты, лишь поддакивали революционным массам, всячески подмазывались к ним, стараясь овладеть положением. Они для „проформы" ставили своих верных и надежных рабов комиссарами, вооружали их и, лавируя между Сциллой и Харибдой, склоняли простодушных и легковерных людей на свою сторону, пообещав им золотые горы.

Неискушенные в политике русские мужики и рабочие поверили большевикам, об'явившим себя коммунистами, поверили в их добрые намерения и благодетельную „услужливость", поверили потому, что сами были чисты и добры душой.

„Большевики, — рассуждали они, — народ битый, они по заграницам таскались, много горя натерпелись, беду знают, понимают лихо... А стало-быть, ен — наш человек, трудовик, не предаст... Красно и дельно говорит ен, наши антересы защищает, потому что ен знает наши страдания. За трудовой народ ен стоит"...

Преисполненные лучших надежд и желаний, с глубокой верой в царство ДОБРА и СПРАВЕДЛИВОСТИ, они, русские мужики и рабочие, смело и восторженно кричали: — „Верим вам, ребята хорошие!... Учите нас уму-разуму!... Мы будем пахать и сеять, будем производить и делать все, что нужно для жизни, а вы, друзья, — смотрите в оба, чтоб из заграницы на нас опять не напали. Вам виднее, потому что вы люди — грамотные, ученые... вам и книги в руки. Смотрите в оба, господа-товарищи!... Да глядите, не подгадьте!"...

Конечно, большевики смотрели в оба, но не ради интересов рабочих и крестьян, которых они порядком прибрали уже в свои кровавые руки, а ради самих себя, ради своих личных интересов и собственных выгод.

Почувствовав себя господами положения, большевики начали „СТРОЙКУ". Прежде всего они скрутили в бараний рог русского мужика и рабочего, отняв у них силою оружия, т. е. посредством жесточайшего террора, бессудных казней, пыток, тюрем, расстрелов, ссылок и т. п. орудий устрашения, — всякие права и свободы, завоеванные революцией, и таким образом утвердили свою диктатуру.

Естественно сам собою напрашивается вопрос: Что же за зверь эта самая диктатура, о которой так много говорят, за которую так цепко держатся властелины, ее восхваляющие, и которую так порицают и ненавидят свободолюбцы, испытывающие на себе все ее свирепые жестокости и тяжести?

В теории и на практике диктатура слагается из двух данных: с одной стороны имеется налицо повелитель-диктатор, суб'ект приказывающий, а с другой — масса, подлежащая диктатуре, повинующаяся велениям диктатора.

Диктатура, — откуда бы она ни исходила и под какой бы вывеской ни действовала, — есть такое состояние, при котором диктатор со своими приверженцами, захватившими власть в свои руки, пользуются неограниченным правом принуждения и навязывания населению своих „идей" при помощи грубой силы — штыка, нагайки, пулемета или других орудий устрашения и казни. Короче говоря, властелины страны диктуют терроризированному населению свою волю, как бы глупа и бессмыслена она ни была, но оно должно ей повиноваться беспрекословно.

Признаки диктатуры проявляются в следующем: народ лишается избирательных прав. (Кто, например, выбирал Сталина, Муссолини, Пильсудского и др. диктаторов?) Одновременно народ лишается также и всяких свобод: слова, печати, собраний, союзов и т. д. В странах диктаторских никто не смеет критиковать действия или распоряжения правительства, п. ч. все правители, видите-ли, „непогрешимы". В них нет независимой от диктаторов печати, которая бы свободно обсуждала общественные нужды, те или иные мероприятия, вопросы воспитания, образования, производства, распределения и пр. Существует лишь казенная пресса, жалкая, немощная, однообразная и скучная, как полицейские протоколы, но зато узко-тенденциозная, лживая и бесчестная. Людям запрещено собираться или организовываться в союзы, п. ч. диктаторы боятся „заговоров", иначе говоря, дрожат за свою шкуру и в каждом человеке видят врага.

В конечном итоге получается, что диктаторы обращают народ в простое СРЕДСТВО при достижении своих эгоистических вожделений и целей. С непокорными и ослушными у диктаторов расправа коротка: они быстро отправляют их к праотцам.

При диктатуре свирепствует самый широкий, разнузданный и отвратительно-дикий произвол, процветает вопиющая несправедливость, ужаснейшие злодеяния и гнуснейшие безобразия. Одним словом, во-всю гуляет террор и применяются суровейшие меры воздействия, как тюрьмы, пытки, ссылки, расстрелы, при помощи которых диктаторствующие стараются удержать население в страхе и беспрекословном повиновении.

Население, лишенное всяких прав и свобод, автоматически переходит в полное и безусловное подчинение диктаторам, которые для оправдания своей палаческой деятельности прикрываются обыкновенно какими-нибудь высокими целями, как „умиротворение народа", „завоевания и укрепления народных благ", „польза народа" и т. д., предусмотрительно забывая, что сами они губят этот народ: лишают его инициативы, самодеятельности, насилуя и расстреливая.

Диктатура ведет не только к застою, но и к регрессу, ибо из людей вышибают всякие идеи, мысли, самостоятельность, творчество: их превращают в послушных рабов, в вещи, годные для таких-то целей диктаторов, — не больше.

Диктатура существует потому, что с одной стороны диктаторствующие всецело преданы своей идее и дисциплине диктатуры, с жаром пропагандируют ее блага, т. е. они облекают диктатуру в соблазнительные формы и сулят простодушным массам высшие блага, а с другой, — благодаря безволию и тупости трудовых масс, загипнотизированных и застращенных палаческой деятельностью диктаторов, вечно кричащих, что диктатура необходима для их же, трудящихся, пользы.

Конечно, самое легкое для тупых и недумающих людей — это примкнуть к диктаторам. Примкновение гораздо легче сопротивления, которое требует самосознания, своих убеждений и мужества. И тем, которые приемлют диктатуру, пожалуй, нужен этот бич: он научит их любить свободу, которая захватит их, когда они „раскусят" диктаторов, являющихся, невольниками своей собственной системы. Они так же трепещут, как и подчиненные, боясь за свою судьбу и живя в вечном подозрении и страхе, ибо им всегда мерещется все то, что они проделывают с другими. Они трусят и без телохранителей никуда не рискуют выйти.

Такую систему диктатуры и построили большевики в первую очередь и ныне орудуют ею на всех фронтах. Это одно из главных большевистских достижений.

Революция об'явила все земли, рудники, заводы, фабрики, шахты, мастерские и т. д., короче говоря, ВСЕ СРЕДСТВА И ОРУДИЯ ПРОИЗВОДСТВА — НАРОДНЫМ ДОСТОЯНИЕМ. Большевики же переделали все это на свой лад, **сделав их государственной собственностью вместе с населением, которое причислили также к СРЕДСТВАМ.**

У болшевиков государство почитается самым святым и наивысшим ИДОЛОМ, пред которым человек, — творец всяких систем и форм, — ничто, жалкая тварь!

Французский король, Людовик XIУ, так определял государство: „Государство — это я". Что, мол, хочу, то и делаю с вами, бесштанниками. Большевистское же государство — это партийцы, правящая верхушка, обратившая низших по рангу коммунистов в слепое орудие, а Россию в свою вотчину, в которой они бесконтрольные хозяева, подобно Людовику XIУ.

Рабочий или крестьянин, не принадлежащие к правящей большевистской партии, а также и партийцы, не разделяющие взглядов диктаторствующей верхушки, прикрывающейся „генеральной линией", лишены права голоса или выборов, свободы слова, печати, собраний, союзов, передвижения и т. д.

По установленным комиссарами писанным и неписанным законам, в нынешней России, называемой СССР, никто не смеет критиковать действия и распоряжения большевистского правительства под страхом тюрьмы, ссылки или расстрела. Большевистская олигархия позакрывала рты всем труженикам. Народ безмолствует, разглагольствует лишь кучка безответственных помпадуров, удушивших свободную мысль и слово, ибо теперь нет в России ни одной свободной, революционной газеты или журнала. Слово и мысль под строжайшей правительственной цензурой. Кроме нудной казенной печати, бездарной и скучной, как вся казенщина, там нечего читать рабочему и крестьянину. Все свободно-творческое запрещено или задушено, п. ч. комиссары боятся света, свободного слова и мысли, как воск огня, а еще более революционных действий трудовых масс.

Лишив трудовое население России завоеванных революцией свобод и прав, большевики, в конце-концов, ПРИКРЕПИЛИ РАБОЧИХ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ, а КРЕСТЬЯН к ПОТЕМКИНСКИМ ДЕРЕВНЯМ, называемым совхозами и колхозами.

Если помещичьи крепостные, находясь в безвыходном положении, восклицали: „Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!" — то в настоящем с не меньшей горечью советский гражданин может воскликнуть: „Вот тебе и октябрь! . . . Вот тебе и свобода, за которую кровь проливали да головы клали!" . . .

Комиссары учат и, несомненно, научат русского мужика и рабочего СВОБОДУ ЛЮБИТЬ. Трудовые массы в конце-концов поймут, что СВОБОДЫ никто никому НЕ ДАЕТ, ее берут, она достигается борьбой. Свободу надо отстаивать, защищать и беречь, как зеницу ока, ибо без нее нет ПРОГРЕССА, КРАСОТЫ, ТВОРЧЕСТВА и ВДОХНОВЕНИЯ.

Что обращает на себя внимание, так это то, что в СССР нет свободной, независимой личности, нет вольного человека, но зато имеется много разнокалиберных комиссаров и рабов, т. е. существует два класса — комиссары и рабочие: шахтеры, горняки, железнодорожники, текстильщики и пр. А разве люди боролись лишь за то, чтоб быть только РАБОЧИМИ, а не свободными гражданами?! Рабочими они были при самодержавии, остаются таковыми и при комиссародержавии с тою лишь разницею, что при царизме они считались быдлом, а при марксизме они приравнены к винтам и колесикам огромной государственной машины.

Исходя из централистических убеждений, большевики считают, что РАБОЧЕМУ И КРЕСТЬЯНИНУ МЫСЛИТЬ НЕ ПОЛАГАЕТСЯ, п. ч. его мысли могут оказаться вредными для большевистского государства. Их дело — беспрекословно повиноваться и выполнять все то, что центр прикажет, будь эти приказы глупейшими и бессмысленнейшими. Кремль — хозяин, всесильный, всегда правый, непогрешимый, всезнающий! . . . Он считает себя умнее 160 миллионов человек! . . . Не потому ли умнее, что он держит в своих руках вожжи, которыми управляет взнузданных рабочих и крестьян?! В этом и заключается весь „секрет" большевистского ларца.

Большевики называют себя социалистами-коммунистами; их конечные цели — коммунизм, когда . . . „отомрет государство". Остается однако неясным: когда именно отомрет все более централизующееся большевистское государство? Отомрет ли оно по окончании „пятилетки", „десятилетки" или „тысячелетки"?! . .

История еще не знает таких случаев, когда правитель ДОБРОВОЛЬНО выпустил власть из своих рук. Власть имущий крепко за нее держится, ибо она, наравне с угнетением слабого сильным, дает владыкам разного рода привилегии, почет, уважение, богатство, славу и привольную жизнь **паразита,** наводящего трепет на подвластных ему верноподданных, хотя он и сам дрожит за свою шкуру, почему постоянно и окружен многочисленными охранниками.

Само собой понятно, что у большевиков нет даже намека на социализм. Они так же далеки от социализма, как небо от земли. Не социализм, а БЮРОКРАТИЗМ утверждают большевики в СССР, бюрократизм самой худшей марки по своей громоздкости, косности и разгильдяйству, сопровождаемый ВОРОВСТВОМ и ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ, как естественными про-

дуктами системы, обкрадывающей труд населения.

Большевики — социалисты, но они же законопачивают в тюрьмы и ссылки социалистов-революционеров и социалистов-анархистов. Как понять эти противоречия? Не говорит ли это за то, что большевики лишь прикрываются маской социалистов-коммунистов и совершают под этой маской омерзительнейшие деяния? Чем же нагляднее и ярче, как не свирепыми преследованиями революционеров-анархистов, доказывают большевики свое лицемерие, ложь и обман — ставкой на социализм?!...

Но что наиболее возмутительно, так это партийная МОНОПОЛИЯ гг. комиссаров. Они, видите-ли, изображают из себя всеразрешающего Оракула и мнят, что они — пуп и соль земли, а потому и навязывают населению свои идеи и „блага“ посредством грубой физической силы.

Почему и на каком основании большевики присвоили себе ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ право на монополию? Что ж они умнее, дальновиднее, правдивее, мудрее?.. Нет, они наглее, лицемернее и вероломнее. В величайшем обмане и лжи кроются успехи большевиков. Однако, „враньем весь свет пройдешь, а назад не вернешься“, говорит русская пословица, так и большевикам не снискать больше доверия трудовых масс, хорошо понявших природу большевизма, далекого от идеала и красоты.

Некоторые утверждают, что большевики — это большинство народа, что, конечно, не правильно, неверно, ибо даже советская статистика доказывает, что население СССР состоит из 160 миллионов человек, из которых коммунистов-большевиков насчитывается около 2 миллионов. Из этого, конечно, не следует, что большинство или меньшинство должно быть лишено права на ИНИЦИАТИВУ, нет, это неот'емлемое право всякого человека. Важно лишь то, чтобы инициатива эта не причиняла никому вреда. Так что и в этом случае исключительная монополия большевиков ничем не оправдывается, как и то, что большевистская партия состоит из одних только пролетариев.

Мы знаем, что Россия или СССР — страна преимущественно земледельческая и население ее 160 миллионов человек. Если допустить, что рабочих в СССР лишь 10%, то это составит 16 миллионов, из коих только, скажем, 2 миллиона состоит в компартии. Отсюда видно, что не все рабочие состоят в коммунистической партии, а с другой стороны — какие пролетарии Луначарский, Бухарин, Литвинов, Сталин, Каганович, Зиновьев и проч. и проч.?!...

Членский состав большевистской партии для нас не играет роли, а важна политика правящей партии, строящая ее на ЛЖИВЫХ ОБЕЩАНИЯХ и гнусном ОБМАНЕ. Вот откуда ее шатания, уклоны, перегибы и простая неустойчивость.

Все это именуется „стройкой“, конструктивизмом, „социалистическим строительством“... Печальное строительство!...

К. Филиппович

(Окончание следует)

САМОЕ ГЛАВНОЕ.

Нельзя устать повторять, **что мы живем** в **критическую** эпоху истории. (Как известно, эпохи другого рода, эпохи более или менее спокойного развития установившихся отношений, принято называть **органическими**).

Мы живем в эпоху, когда происходит **полная ломка** существующих экономических, политических, культурных и, главное, социальных понятий и отношений.

Мы живем в эпоху, когда колеблются **самые основы** данного общественного устройства.

Мы живем в эпоху, которая охватит не один десяток лет, которая будет вся наполнена шумом жесточайшей социальной борьбы и завершится полным изменением нынешних общественных устоев.

Мы живем в эпоху **социальной революции.** И мы находимся сейчас лишь в самом начале этого грандиозного разрушительно-созидательного процесса.

*

* *

Я говорю „нельзя устать повторять“ в том смысле, что необходимо уже теперь неустанно обращать на это положение вещей внимание широких товарищеских кругов; необходимо, в случае надобности, доказывать и развивать наше утверждение; необходимо, главное, постоянно учитывать данное положение вещей, **постоянно исходить из него в наших практических и тактических рассуждениях, построениях и выводах.**

В настоящей заметке я хочу как-раз остановиться на одном таком практическом вопросе.

*

* *

Перед лицом переживаемой нами эпохи— каково положение нашего движения? На высоте ли оно?

Не приходится тратить много слов на то, чтобы доказывать его крайнюю слабость. В развертывающейся социальной борьбе занимаем ли мы сколько-нибудь заметное место? Нет. Охватывает ли наша пропаганда сколько-нибудь широкие круги населения? Нет. Имеет ли наша печать ту силу, то распространение, какое она должна была бы иметь? Нет, нет. Проникает ли наша идея хоть сколько-нибудь в толщу трудовых масс? Нет, нет, нет . . .

Наши организации чрезвычайно малочисленны, слабы, неустойчивы. У нас очень мало хороших пропагандистов. Наша печать имеет ничтожный удельный вес. Ни в одной почти стране у нас нет ежедневной газеты. В широких рабочих массах большинства стран наши товарищи могут быть пересчитаны по пальцам. В крестьянстве их совсем нет . . .

Не ужасно ли это положение? **Мир вступает в эпоху величайшей социальной борьбы, какая когда-либо имела место в человеческой истории, а мы, носители великой идеи, великой правды, бессильны на деле бросить в мир эту идею, эту правду!**

Вот мысль, которая не должна давать нам покоя!

*

* *

Оставим сейчас в стороне вопрос о **причинах** этой слабости и о **мерах усиления** нашего движения. Вопрос этот многосторонен и сложен. Мы займемся им в другой раз.

Поставим теперь же, прямо и резко, иной вопрос: что грозит случиться, если наши идеи останутся и впредь, на долгие годы, **вплоть до решительных событий,** столь же бессильными, столь же мало влиятельными, как бессильны и мало влиятельны они сейчас?

Ответить на это не трудно. Грозит случиться то же, что произошло в России: одержимые предрассудком необходимости **власти,** массы пойдут за крайней левой **политической партией** и дадут ей организовать **правительство** „диктатуры пролетариата". И тогда революция, если и не погибнет, то надолго попадет в ужасный тупик.

Я имею не мало оснований думать, что это, все же, не произойдет или, если произойдет, то **не везде,** и тогда дело будет **сравнительно** легко поправимо. Но мы должны предвидеть худшее и готовиться . .

Провозглашение нового „крайне-левого" **правительства** и водворение так-называемой „диктатуры пролетариата" — вот та **центральная точка,** в которую **может** упереться революция. Вот та **главная опасность,** которая может исказить — даже надолго придушить — революцию, и на которую должно быть обращено **все наше внимание.**

Предрассудок **необходимости власти, правительства,** чрезвычайно распространен и глубоко вкоренен во **всех слоях** населения. Он сейчас все еще почти так же широк и глубок, как был 50 лет назад. **В нем, — главное препятствие.**. На борьбу **с ним,** с этим **центральным пунктом** должны быть теперь направлены наши главные усилия.

*

* *

Мы можем заниматься какими угодно проблемами. Мы можем ставить себе всевозможные задачи. Мы можем уяснить себе причины нашей слабости и искать мер к ее устранению. Можем разрабатывать дальше, углублять и уяснять нашу теорию. Можем об'единять наше движение; совершенствовать, связывать и укреплять наши организации. Можем усиливать нашу пропаганду, улучшать нашу печать, стремиться проникнуть в массы . . .

Но **главная, центральная** наша задача сейчас должна быть — **широкая борьба с предрассудком власти, правительства.**

Эту задачу мы должны поставить перед собой как **самую главную,** непосредственную, **практическую** задачу дня. Ей должно быть подчинено сейчас все остальное.

*

* *

Эта практическая задача может и должна об'единить наши разрозненные силы. На ней могут и должны сговориться, соединиться для действия все наши направления, все наши организации, все без исключения товарищи.

Мы можем сколько угодно спорить между собой, ссориться и расходиться по существу наших теоретических воззрений. Можем раскалываться, бороться друг с другом, заниматься каждый своей часовней . . .

Но борьба с предрассудком необходимости власти, неизбежности правительства, должна связать всех нас в одну компактную силу. Эту борьбу мы можем вести сплошным фронтом. Здесь мы можем действовать **все сообща.**

*

* *

Самое главное сейчас — бороться с идеей необходимости правительства. Самое важное — бить неустанно в эту точку, **изо дня в день,** все сильнее, все громче, все шире, все отчетливее . . . Надо бить **резкими, прямыми, простыми и короткими**

ударами. Без особых умствований и длинных разсуждений. Бить так, чтобы **любой человек из массы мог слышать удары.**

Надо просто **привлечь внимание** масс к этой центральной точке, заставить интересоваться ею, думать о ней. Это сейчас важнее всего потому, что самое серьезное препятствие для распространения наших идей — безотчетное, слепое **равнодушие** масс к данному вопросу. Людям просто **в голову не приходит** задуматься над тем, **нужно ли правительство.** У них имеется привычная, словно „врожденная" уверенность в том, что правительство — такая же естественная необходимость, как свет или воздух.

Практический, но сколь частый парадокс! Огромные массы людей, в силу ослепляющей привычки, считают **естественной необходимостью** и оставляют просто вне внимания как-раз то, что является **смертельной опасностью** и требует внимания прежде всего другого.

Пока этот парадокс на-лицо, мы не можем ничего поделать. Надо прежде всего, громко, резко, грубо **трубить и кричать** об опасности. Надо заставить массы **увидеть** ее!

*

* *

Как же на деле, практически разрешить эту задачу?

Я лично отвечаю на этот вопрос так:

В каждой стране (и, по возможности, в каждом городе, промышленном районе и т. д., и т. д.) образуется, по инициативе одной из местных наших организаций, **комитет** из представителей от всех, без исключения, местных анархических групп и анархо-синдикалистских союзов. (В состав комитета могут, разумеется, входить и отдельные полезные для дела товарищи, индивидуально).

Этот комитет собирает (всеми доступными ему способами) необходимые денежные средства и имеет, время от времени, свои заседения для одной единственной цели: **составления, издания и массового распространения маленьких, коротких,** „ударных" листовок.

Листовки должны быть очень маленькие (максимум четыре странички формата записной книжки). Они должны быть напечатаны достаточно крупным шрифтом и должны выходить под коротким, ярким, „ударным" заголовком. Каждая листовка должна выходить в возможно большем количестве экземпляров.

Содержание листовок — прежде всего, популярное изложение нашего взгляда на правительство. Листовка должна в краткой, деловой, вполне понятной для массового читателя форме давать наш взгляд на всякое правительство, обращать внимание читателя на крайнюю важность этого вопроса, предупреждать об опасности, давать понятие о том, как можно устроить жизнь без правительства.

Как только одна выпущенная комитетом листовка подходит к концу, комитет приступает к изданию следующей листовки и т. д. По мере развития дела, содержание листовок может быть углублено, разработано далее, но все в той же краткой, популярной форме. Листовки, особенно удачные и имеющие массовый успех в одном каком-либо городе или районе, могут быть, конечно, переизданы другими городами и районами, вместо составления особых листовок.

Комитет раздает листовки представителям организаций для распространения и, вообще, организует массовое распространение листовок.

Листовки должны **разбрасываться, раздаваться и рассылаться бесплатно, в самом широком масштабе, какой только можно себе представить:** их следует не только разбрасывать и раздавать по заводам, фабрикам, мастерским, магазинам, по железным дорогам, трамваям и пр., но и рассылать почтой и разносить по домам во всех кварталах — примерно так, как это делают сейчас большие магазины со своими каталогами.

В зависимости от политических условий, эта работа может делаться открыто или конспиративно. В первом случае адрес издания может быть указан. Но эта деталь не имеет значения. Самое главное — непрерывно и широкой рукой бросать в массы наши основные идеи о власти и правительстве. Всеми средствами надо стараться сохранить эту возможность при всяких условиях. Если удастся заинтересовать в деле широкие круги населения, то широкое распространение листовок и материальная возможность их издания будут легко обеспечены почти при всяком политическом положении.

В заключение отмечу, что комитеты должны в своих листовках использовывать в максимальной степени опыт русской революции. Они должны собирать относящийся сюда материал, должны иллюстрировать и подкреплять свои положения яркими, точными и умело подобранными фактами из жизни в С.С.С.Р.

*

* *

Разумеется, я не жду от предлагаемого мною типа нашей работы крупных и немедленных чудес. Препятствий и затруднений окажется и в этом деле не мало. Но я уверен, что там, где за эту работу возьмутся преданные, энергичные и толковые

товарищи, с инициативой и уменьем работать, там распространение наших основных идей в широких массах сделает довольно скоро значительный шаг вперед. А это — самое главное, ибо только на этом базисе возможно и **общее,** довольно быстрое и заметное усиление нашего движения. Только на этом базисе мы можем из маленькой замкнутой секты, какой мы почти везде являемся сейчас, стать в более или менее близком будущем заметной и влиятельной силой, с которой придется считаться нашим противникам.

Волин

Москва и революционная Испания.

Почти каждый месяц, каждую неделю до нас доходят сообщения о всеобщих стачках и революционных забастовках в Испании, о правительственных преследованиях и арестах, об интригах и угрозах реакционных генералов и клерикальных кругов и об отражении всех этих опасностей испанским пролетариатом, наибольшая часть которого организовано в анархо-синдикалистскую Национальную Конфедерацию Труда. В Испании, за время существования буржуазной республики, уже сотни и тысячи анархо-синдикалистов и анархистов арестованы, десятки убиты в восстаниях и множество сослано в Центральную Африку. Одним словом, Испания находится в состоянии революционного брожения. Буржуазная революция 14-го апреля не удовлетворила ни населения городов и деревень, ни инспанский пролетариат. Теперь, после низвержения монархии, встал вопрос о низвержении капитализма и установлении индустриальной и сельско-хозяйственной социализации — к чему стремится и что подготовляет Национальная Конфедерация Труда (НКТ). Что же делают в интересах этой пролетарской революции Коминтерн с Профинтерном, на знаменах которых как будто бы написана „Мировая Революция"? Ничего. Наоборот, Москва бестыднейшим образом клевещет на революционное движение. В Испанию даже посланы эмиссары, долженствующие содействовать крошечной коммунистической партии ловить рыбу в мутной воде. Само собой понятно, эта попытка разбилась о свободническое чувство испанского пролетариата, отсюда становится понятной и ненависть, с которой испанские и неиспанские коммунисты набрасываются на революционнное испанское движение, нежелающее стать под их команду.

Мы уже неоднократно пригвождали к позорному столбу эти клеветы. Самым подлейшим утверждением коммунистов, является утверждение советской прессы, что испанские синдикалисты ведут борьбу с коммунистами сообща с полицией. Советская пресса пошла еще гораздо дальше этого грязного заподазривания. Ниже мы приведем ряд цитат, взятых из русского издания „Красного Интернационала Профсоюзов", являющегося теоретическим и интернациональным органом русских профсоюзов. Предварительно следует отметить, что в немецком издании эти цитируемые места в большинстве случаев появляются в другой редакции. Причина этого очень легко понять: в Совроссии, где отсутствует всякий общественный контроль, такими утками можно обмануть профсоюзных чиновников, в других же странах, благодаря опровержению анархо-синдикалистской прессы, это совершенно невозможно. Пригвождение этих ложных выдумок к позорному столбу нашими испанскими органами печати повредило коммунистам в очень сильной степени.

В № 14 русского издания „Красн. Интернац. Профсоюзов", от 25 июля 1931 г., сообщается о чрезвычайном с'езде Н. К. Т. следующее:

„Полное отсутствие анализа нынешней обстановки в Испании, путаница, склока вплоть до драки — вот что характеризует этот с'езд... Как подготовлялся этот с'езд?

В профсоюзах, примыкающих к НКТ, накануне с'езда проводились конференции на тему о проституции, о „женщине и республике" и т. д. в том же роде... Судя по отчету „Рабочей Солидарности", Пестанья в своем докладе совершенно обошел вопрос о работе НКТ за период от диктатуры Примо де Ривера до падения монархии, т. е. за то время, когда вожди НКТ сотрудничали с диктатурой. До и после доклада Пестаньи раздалось несколько протестов по поводу соглашения в Сан-Себастьяне. Делегат из Малаги заявил, что в Сан-Себастьяне НКТ обязалась в течении трех месяцев не причинять никаких забот временному правительству, т. е. срывать всякую борьбу рабочих... Анархо-реформисты, которые верой и правдой служили Примо де Ривера, которых сейчас проституирует республика, которые выпустили из страны короля и придворных, а теперь расстреливают рабочих и крестьян, чувствуют, что в Испании произошел перелом. Они прибегают к демагогии, чтобы иметь возможность попрежнему играть роль прислужников буржуазии".

Имеет ли какой либо смысл приходить от этой лжи в нравственное негодование? Да и можно ли в серьез принимать людей, насаждающих в мире такой устарелый идиотизм? Нет, конечно; в данном случае можно сказать только одно, что эти ученики Ленина хорошо усвоили его советы относительно обмана, предательства и лжи

и так далеко ушли в этом искусстве, что не в состоянии больше отличить правду от лжи.

Бедняги Шехер Дельвали, Валлесы и т. д. очевидно думают, что чем чаще они будут рассказывать своим московским хозяевам и учителям подобные же басни о „социал-фашистах и анархо-синдикалистах агентах буржуазии“, тем больше они будут содействовать успеху испанского Коммунизма и, быть может, лишний раз получат чек. Они, однако, могут быть вполне уверены, что этим они достигают как раз обратных результатов, ибо у испанского пролетариата и вообще у мирового пролетариата имеется еще определенное чувство моральной чистоплотности.

Мы позволим себе повторить еще раз, что никакая часть НКТ никогда и никаким образом не имела никакого дела ни с Примо де Ривера ни с Беренгером. Это даже невозможно было формально, ибо НКТ при диктатуре была распущена и запрещена и анархо-синдикалисты в действительности вели самую ожесточенную борьбу против диктатуры и при Беренгере. Следует только вспомнит, что испанский пролетариат почти во всех частях страны, и прежде всего в синдикалистской столице Барселоне, вступил в генеральную стачку как только события в Яке стали известны. Вообще в Испании редко когда так много бастовали, как при Беренгере, хотя очень часто на политической почве, но всегда под руководством НКТ, которая, после нескольких лет нелегального существования, как раз была вновь реорганизована. Сделка в Сан-Себастьяне была заключена, без участия НКТ, между республиканцами и социалистами. НКТ также предлагали принять участие, но она, чтобы располагать свободой действия, отклонила это предложение. Знаменитые „три месяца“ без борьбы никогда не существовали. Даже тот самый „Красный Интернационал Профсоюзов“ вынужден был в № 20, от 15 ноября 1931 г., заявить, что уже в мае начались синдикалистские забастовки. А разве нападения на церкви 12 мая не были борьбой против правительства? А эти нападения происходили под руководством НКТ. Что же в таком случае должно означать, что „один делегат из Малаги“ заявил, что НКТ сделала обещание относительно трех месяцев? Откуда это знает делегат из Малаги, если вообще эта заметка правдива и если в ней не было замаскированной коммунистической клеветы? Не был ли Пестанья единственным, который мог об'яснить что было в Сан-Себастьяне? Но Пестанья ничего подобного не сказал, ибо, на самом деле, нечего было отвечать и другие также не могли, фактически, сказать что-либо.

На с'езде НКТ было около 500 делегатов, из которых около 130 террористов, люди, которые в борьбе против диктатуры, рисковали своей жизнью. В течении ожесточенной борьбы 1921 — 22 гг., много сотен лучших товарищей пали жертвами от пуль наемных убийц генерала Мартинец Анидо. В 1924 г. НКТ совершила первую попытку низвержения диктатуры. Тогда должно было одновременно произойти восстание в Барселоне и движение отрядов из-за границы. Выступление, благодаря провокации Гарибальди, не удалось и многие товарищи были казнены, многие на долгие годы были посажены в тюрьмы и тысячи вынуждены были есть горький хлеб изгнания во Франции, Бельгии и т. д. И все же НКТ не приостановила своей подпольной борьбы против диктатуры. Только благодаря этому республиканские политики и могли одержать победу, ибо они знали, что революционный пролетариат без всяких договоров всегда готов выступить против монархии и реакционной диктатуры. Провозглашение республики ни на одну минуту не сбило НКТ с ее пути. Еще 1 мая 1931 г., спустя четыре недели после переворота, в Барселоне и других местах уже имели место столкновения, а 12 мая начались нападения на церкви, явившиеся прямым следствием революционного стачечного движения во многих частях страны, которые вплоть до выборов в кортесы, в июне и в начале июля, превратили движение в огромную волну. В середине июля последовали события в Севилье, где синдикалистский отдел был разрушен артиллерией; в сентябре развернулась всеобщая революционная стачка в Барселоне, которая в январе 1932 г. повторилась во всей Каталонии и Бильбао. О мелких стачках и столкновениях и говорить не приходится — их было бесчисленное множество.

Не взирая на эту геройскую борьбу испанского пролетариата, находящегося под анархо-синдикалистским влиянием, не взирая на восторженную жертвенность масс и вождей, грязные коммунистические писаки осмеливаются называть их „анархо-реформистами“, и т. д.

Больше того, в № 15 упомянутого журнала описываются севильские события 31-го июля и черным по белому мы читаем:

„В распылении революционной борьбы по существу выражается величайшая услуга, оказываемая режиму анархо-синдикалистами“ . . .

Дальше же они вынуждены заявить, что анархо-синдикалисты играли руководящую роль в отпоре Кабальеро, вынуждены упомянуть многие стачки и всеобщие забастовки и особенно упорную телефонную

стачку, сопровождавшуюся бесчисленным применением саботажа, при этом, естественно, умалчивается, что все это организовали профсоюзы, т. е. опять таки анархо-синдикалисты. Отмечается, что один из вождей анархо-синдикалистов убит в борьбе в Севилье и тем не менее — анархо-синдикалисты оказывают услугу режиму. В таком случае Роза Люксембург повидимому также была „коммунистской-реформистской“, ибо она была против январьского восстания 1919 г.? Может быть тогда и Спартаковцы „благодаря распылению, оказывали услугу режиму“? Как быть с такой параллелью? Однако никому из революционеров со здравым рассудком не приходило и в голову утверждать такой вздор, но по отношению испанских анархо-синдикалистов это позволяется. Московские диктаторы водятся за нос своим соратником Дельвалем; этот рассказчик басен нечаянно, в № 20 „КИП“, от 15 ноября 1931 г., сказал правду, он писал следующее:

„В конце июля в Севилье и ее окрестностях вспыхивает мощная революционная стачка, которая перерастает в пролетарское восстание, недоведенное до конца только благодаря неопытности местного руководства коммунистической партии и красных профсоюзов“.

Как же так, перед этим вина за поражение сваливалась на анархо-синдикалистов, а теперь она возлагается на политических младенцев из коммунистической партии в Севилье? Где же в таком случае правда? Дальше Дельваль утверждает, что число членов компартии с 2000 в апреле 31 г. достигло 8000 в октябре, а число сторонников Профинтерна с 30,000 в апреле возрасло до 100,000 в октябре 31 г. М. Адам, главный махер Красной Профсоюзной организации, дал даже число сторонников Профинтерна в 120 т. Само собой понятно, что эти цифры — сплошной вздор. Они смело могут быть уменьшены в десять раз и это будет ближе к истине.

В заключении остановимся еще на статье некоего А. Штирнера, опубликованной в № 19—20 „Большевика“, органа Центр. Ком. русской компартии, от 31 октября 31 г. Там при помощи искаженных и случайно надерганных лживых цитат из „Рабочей Солидарности“ пытаются распевать на старый мотив песенку о НКТ, как о контр-революционной, мелкобуржуазной и пр. организации. Мнимая связь между НКТ и республиканцами еще раз празднует свое воскресение. Вожди НКТ обвиняются в том, что они, с учреждением диктатуры Примо де Риверы, добровольно распустили организацию, хотя нам до сих пор ничего неизвестно об этом добровольном роспуске. Но допустим, что это действительно верно, что этим может доказать русский журнал „Большевик“? Абсолютно ничего. Разве немецкая соц.-демократия не действовала также, когда в 1878 году был издан закон против социалистов? Разве тогда Либкнехт и Бебель с современной точки зрения „Большевика“ тоже были мелкими буржуями и контр-революционерами? Подобный роспуск являлся только формальным актом, чтобы не попасть в руки полиции. Это постановление делается для того, чтобы работать нелегально. Бебель и Либкнехт этого не хотели, но были принуждены к этому деятельностью Моста. Испанские же анархо-синдикалисты после роспуска начали работать нелегально немедленно и в огромном числе. Вывод сделан тот, который, вероятно, предполагали и московские клеветники. Это было в то страшное время, когда известным ген. Анидо Мартинец нанимались и подсылались „пистолеросы“, чтобы убивать из-за угла лидеров НКТ. Диктатура каждую минуту могла пустить в ход ужасные преследования, влекущие за собой сотни и тысячи жертв. Тогда на одной из конференций и было выражено мнение, что при таких условиях легальная деятельность влечет много ненужных жертв и что необходимо перейти на нелегальную работу. В действительности это был единственный выход, ибо террор против легальной организации был гораздо более опасен. И вот это московская пресса называет „добровольным роспуском НКТ“. Таких прислужников буржуазии, как испанские анархо-синдикалисты, мы желаем Муссолини, Гитлеру, Сталину и пр. со всей их бандой.

Г. В. Герхард

Кропоткин и национальный вопрос.

В русской анархической литературе национальный вопрос очень мало разработан. Даже П. Кропоткин — лучший анархический теоретик, — посвятивший долгие годы своей жизни разработке идей коммунистического анархизма, уделил очень мало внимания этому вопросу. За исключением нескольких статей по этому вопросу, написанных им в разное время, он в своих многочисленных произведениях мало касается национальной проблемы. Отдельные мысли и идеи П. Кропоткина по национальному вопросу можно найти в некоторых его книгах и брошюрах, но специальной работы по этому вопросу П. Кропоткин не написал

П. Кропоткин подходит к разрешению национального вопроса с точки зрения коммунистического анархизма. Он горячо приветствует стремление всех угнетенных народностей, хотя бы даже самых мелких, к национальному возрождению. Он верит, что каждый шаг угнетенной нации, ведущий к пробуждению ее народного самосознания, облегчает путь истинного интернационального союза людей.

П. Кропоткин различает два понятия национального самосознания: „народное“ и „господское“. На примере из истории русской общественности он показывает как славянофилы и народники, исходя из одних и тех же предпосылок, в своей дальнейшей эволюции пришли к совершенно противоположным выводам: славянофилы, оставаясь людьми господского класса, создали из своей национальной веры лишь новую опору для самодержавия и православия, между тем, народники, слившись с угнетенными трудящимися массами и проникшись их взглядами и идеями, стали выразителями народной самобытности и стремились внести в интернациональную жизнь народов идеалы русского общинного крестьянства. „Национализм“ славянофилов, как сторонников господского класса, сделался оплотом реакции и шовинизма, а „национализм“ народников, как защитников освобождения угнетенной крестьянской массы, был прогрессивным фактором в процессе освобождения трудового русского народа.

П. Кропоткин верит, что с приобщением народных масс угнетенных национальностей к современной культуре, с сознательным выступлением их на историческую арену, национальное движение среди угнетенных народностей не падает, наоборот, получает более прочную опору в массах. Бессознательный национализм масс, выражавшийся раньше в отчуждении от всего чужого, заменяется теперь сознательным стремлением к национальному возрождению. Это стремление охватывает теперь самые широкие слои угнетенных национальностей, причем, не только буржуазия и интеллигенция охвачены этим стремлением, но в значительной степени и трудящиеся слои, в том числе самый передовой и революционный класс — пролетариат. Но это единство национальных стремлений трудящихся масс и буржуазного класса лишь кажущееся: стремясь как будто к одной и той же цели — к национальному освобождению, — пролетариат и буржуазия угнетенных национальностей совершенно различно понимают ее. Буржуазия стремится только лишь к национальному возрождению, в то время как пролетариат стремится к национально и социально-освободительному движению, правильно считая, что возрождение всякой национальности наступит лишь **после** ее социального освобождения. Это различие в понимании идеи национального освобождения имеет для П. Кропоткина и его отношения к национальному вопросу решающее значение.

В чем состоит **главное значение** национального вопроса? Согласно взглядам П. Кропоткина, главное значение национального вопроса заключается в его коренном, социальном решении, ибо национальный вопрос не может быть решен угнетенными национальностями вне их социального освобождения. Суть национального вопроса теперь, когда он из вопроса местного и внутре-государственного превратился в вопрос интернационального и даже мирового значения, состоит именно в борьбе народных угнетенных масс и зависимых подневольных национальностей против национальной эксплуатации и политического порабощения этих национальностей со стороны господствующей буржуазии. Разумеется, что речь идет здесь не о том, что буржуазия одной национальности побивает или может побить в сопернической борьбе или империалистической войне буржуазию другой национальности, а о том, что господствующая буржуазия угнетает трудящиеся массы, а угнетая и эксплуатируя эти массы, она тем самым толкает их на борьбу с империализмом и делает их союзниками социальной пролетарской борьбы. Основной пункт национального вопроса, следовательно, составляет часть общенародного освободительного движения и окончательное разрешение этого вопроса связано с социальной победой трудового народа.

Развивая свои взгляды на национальный вопрос, П. Кропоткин находит, что всякая прогрессивно-культурная нация, борющаяся против чужеземных угнетателей, тем самым вступает на путь освободительного движения — на путь социальной революции. Для подтверждения правильности этой мысли он ссылается на Россию и указывает, что социально-революционная борьба польских, еврейских и грузинских рабочих не ниже социально-революционной борьбы русских рабочих.

Такое утверждение П. Кропоткина является исторической истиной. Известно, что много рекрут в революционную армию поставляли передовые элементы угнетенных национальностей: поляки, евреи, латыши, армяне, грузины. Известно также, что вся руссификаторская политика царского правительства не привела к цели: ей не удалось привить русское националь-

ное чувство и казенный патриотизм угнетенным народам. Наоборот, эта политика пробудила в них самую ожесточенную вражду к руссификаторам и заставила их еще более ожесточенно бороться за сохранение своего национального лица. В тех из них, которые сохранили стремление к национальной и политической независимости, как, напр., в поляках, чувство ненависти, засыпавшее было, пробуждалось с новой силой, это же чувство зарождалось и среди тех народов, которые хотели сохранить хотя бы ограниченную былую свободу. У всех угнетенных национальностей всегда было сильно развито чувство симпатии ко всякого рода оппозиции „своего“ государства, и в них, при этом, замечалась особая симпатия к тем революционным партиям, которые требовали замены современной насильственной централизации государства началом свободного, добровольного союза и федерации национальностей.

В настоящее время, после мировой войны и революций в Европе, все больше и больше обнаруживается стремление подвластных национальностей и, так называемых, национальных меньшинств к самостоятельной, автономной жизни. Великая русская революция 1917 года провозгласила принцип федерации национальностей и дала угнетенным народностям право на самоопределение.

К децентрализации государств и к федерации национальностей ведут нас современные события. Понятно, это не является конечным идеалом, дальше которого угнетенное человечество не пойдет, но оно не противоречит основным идеям анархического учения об автономной и федеративной жизни народов, наоборот, находится в полной гармонии с главными принципами анархизма. И в этом отношении надо надеяться, что полное разрешение национального вопроса осуществится не без влияния анархических идей П. Кропоткина.

Л. Липоткин

Помогите товарищам, преследуемым в СССР.

Товарищи! Мир поражен ужасающим хозяйственным кризисом. Особенно остро страдают от него, конечно, трудящиеся всех стран. Бедность и нужда, куда ни глянь. Но ни с чем нельзя сравнивать того ужасного положения, в котором находятся наши несчастные товарищи в Советской России. Они вынуждены жить, в течение долгих лет, и в невыразимых страданиях, по местам ссылки: в центральной Азии, в Сибири, в Туркестане. Они разбросаны по тюрьмам и „изоляторам“. Они подвергнуты величайшим лишениям. Сотни товарищей, которых мы знаем и ценим, как преданных борцов за дело освобождения трудящихся, страдают физически, лишенные самого необходимого для жизни, и подвергаются тяжким душевным мукам. Многие из них обречены на ужасную медленную смерть от недостаточного питания и болезней. Как при царизме, так и в государстве советской диктатуры, **борцы за свободу** гниют по тюрьмам русских городов, в нечеловеческих условиях, и **единственно за свои убеждения.**

Лишенные самого необходимого, недостаточно питающиеся и плохо одетые, наши мученики вынуждены обратиться к нам за братской помощью. Мы не хотим, мы не можем оставить их зов без отклика. Все эти люди беззаветно отдали свою свободу и свое здоровье за идеи социальной справедливости. Многие из них заплатили за свою стойкость преждевременной смертью. Наше дело — помочь немедленно и щедро тем, которые еще живут.

Товарищи! Пусть **каждый из вас** возмет на себя хоть малую лепту, чтобы облегчить тяжкие страдания и острую нужду наших братьев, чтобы бросить луч света в их беспросветное существование.

Фонд Помощи при М. Т. Р. заключенным и сосланным анархистам и анархо-синдикалистам в СССР.

Все денежные суммы должны быть направляемы по одному из следующих адресов:

1. **R. Rocker, Berlin, Britz, Rudower Allee 46.**
2. **A. Souchy, Berlin, Postscheckkonto 91004.**

О РАССВЕТО-ПРОБУЖДЕНЦАХ.

ЗАЯВЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП СОЕДИН. ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Несмотря на то, что на страницах „Д. Т.“ вот уже около двух лет не помещалось никаких материалов против рассветовцев, последние возобновили недобросовестную ожесточенную борьбу против Федерации вообще и Нью-Иоркской группы в частности. Эта борьба ведется рассвето-пробужденцами двумя путями: печатанием клеветнических корреспонденций на страницах „Рассвета“ и рассылкой писем некоторым группам и отдельным членам Федерации. Так, например, Н. Черный, секретарь „Пробуждения“, прислал секретарю нашей Федерации И. Д. письмо, в котором он, после уверений в своей анархичности, пишет: „. . . я рекомендую вам, тов. Данилюк, подумать серьезно: не лучше ли было вам присоединиться к журналу „Пробуждение“ и сообща постараться улучшить его?“ Что дало повод Черному прислать тов. Данилюку нелепое предложение вернуться в рассветовское болото, из которого он первый выбрался в 1926 году, выступив против „идеологии“ Моравского. Впрочем, не это важно, здесь важно и показательно то, что рассвето-пробужденцы из кожи лезут вон, чтобы привлечь на свою сторону активных работников Федерации и при их помощи разрушить ее и тем самым оправдать свою позорную роль разрушителей революционного анархического движения в Америке. Рассветовцы решили бить, как говорится, в самую сердцевину Федерации. Подобного рода письма, как сообщают товарищи из провинции, рассветовцы рассылают и по группам Федерации, но они отовсюду получают достодолжный отпор.

Дальше нам стало известно, что рассвето-пробужденцы обращались к некоторым видным и теоретически подготовленным русским анархистам с предложением сотрудничать в „Пробуждении“ и „Рассвете“ за плату. Этим способом они взяли Махно, другие же ответили категорическим отказом. Иначе и быть не могло; но рассвето-пробужденцы настолько разложились идейно, благодаря тесному соприкосновению с белогвардейцами и церковниками, деятельности которых они содействуют, помещая на страницах „Рассвета“ отчеты и призывы их организаций и пр., и так низко пали морально, что не могут понять почему это все честное, искреннее, подлинно-революционное и анархическое бежит от них, как от заразы. Неттлау, Грав, которыми они козыряют, в счет не идут — они сотрудничают по незнанию положения дел, их вводят в заблуждение перепечатанием статей старых анархистов, как Вальтерина Деклэр, к тому же они не знают кто такие Вышеславцевы, Франки и т. д. Все же русские анархисты высказались против рассвето-пробужденцев (см. № 48 „Д. Т.“), против их профанации анархизма. Словом, анархисты, знающие политический и моральный облик „Рассвета“ и беспринципность „Пробуждения“ — („Вокруг „Пробуждения мы хотим сплотить ту часть русской эмиграции, которая отреклась от прошлого — монархизма и не приемлет настоящего — большевизма“. См. „Пробуждение“ № 1, „О наших задачах“) — с чувством глубокого презрения отвергают назойливые попытки рассвето-пробужденцев об'единить их, за плату или без оной, на страницах „Рассвета“ и „Пробуждения“ с Гучковыми, Милюковыми, Философовыми, Бердяевыми, Франками, Вышеславцевыми, Керенскими и с их мелюзгой, проживающей в Америке, как Гребенщиков и др.

И вот эти господа, ратующие за такой широкий „революционный“ об'единенный фронт, имеют наглость, когда дело касается разрушения анархической Федерации, называть себя анархистами и, якобы в интересах анархизма, при помощи Зеленюков, Музык и пр., лить на страницах „Рассвета“ зловонные помои клеветы на Федерацию и обвинять ее группы в большевизме.

Господа рассвето-пробужденцы, руки прочь от анархизма и нашей Федерации!

В заключении Федеративная Комиссия заявляет, что Федерация попрежнему стоит на враждебной позиции ко всем видам и формам рассветовщины и считает вредным для анархического движения не только об'единение с пробужденцами, но и всякое примирение с ними до тех пор, пока они открыто не порвут с рассветовщиной и ее вдохновителями и пока не откажутся от единого фронта, лежащего в основе программы их журнала, начинающегося Гучково-Милюковскими молодцами и кончающегося Моравско-Рубежанинскими мещанами. Главная цель атак рассвето-пробужденцев на Федерацию и разговоров об об'единении — спасти погибающий „Рассвет“. Федерация от такой „почетной“ роли спасителя отказывается.

С другой стороны, Федерация считает своим долгом вести борьбу и против большевизма, базируясь на анархических принципах, на принципах классовой борьбы и на лозунгах социальной революции. Только эта чисто анархическая и революционная линия поможет нам отстоять идеологию анархизма от напора идеологии марксизма, большевизма и рассвето-пробужденского приспособленчества. Общеколониальная политика рассвето-пробужденцев, удовлетворяющая духовные нужды всех: от церковника, старорежимника и анархиста Зеленюк-Музыка и Карпо-Мораво-Рубежанинского типа до подлинного анархистского типа покойной высокоморальной и идейночистой Вальтерины Деклэр, в высшей степени вредна для анархизма и является огромным препятствием в борьбе за социальную революцию, поэтому, товарищи, держитесь подальше от мещанского болота рассветовщины.

С товарищеским приветом

Федеративная Комиссия

БРОЖЕНИЕ РАССВЕТОВЩИНЫ.

(ОПРОВЕРЖЕНИЕ ЗЕЛЕНЮКОМ СВОИХ СТАТЕЙ В „РАССВЕТЕ“)

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Печатаемая статья Зеленюка была прислана нам, когда он еще состоял членом нашей Федерации. Редакция, не желая заводить полемики с рассвето-пробужденцами, отказалась опубликовать ее. В настоящее время Зеленюк, порвав с Федерацией, ведет на страницах „Рассвета“, умиляя Павловых и Карпомораворубежанских, ожесточенные атаки против Федерации и ее Нью-Йоркской группы. В связи с этими атаками в редакцию „Д. Т.“ стали поступать статьи, в резких выражениях обличающие Зеленюка. Не желая спускаться до уровня „Рассвета“ и „Пробуждения“ (см. № 13), редакционная коллегия самым решительным образом отклонила все эти писания.

Редакционная коллегия считает, что лучшим обличителем Зеленюка может быть только сам Зеленюк и, поэтому, не вступая с ним в какую бы то ни было полемику, публикует его статью „Брожение рассветовщины“, предоставляя сегоднешнему Зеленюку из „Рассвета“ обличать вчерашнего Зеленюка из Федерации и наоборот, конечно, на страницах „Рассвета“, а не „Дела Труда“. Интересно с психологической точки зрения посмотреть как этот двуликий Янус повторит над собой операцию знаменитой гоголевской унтер-офицерши.

После опубликования этой статьи, редакционная коллегия закрывает страницы журнала для каких бы то ни было статей, касающихся Зеленюка, не зависимо от того что он будет писать в „Рассвете“, потому что считает ниже собственного достоинства опускаться до полемики с беспринципными политическими оборотнями, немогущими и неумеющими идейные убеждения ставить выше личных ссор и несогласий.

Как не старалась рассветовщина разложить анархическое движение в Америке среди русских, но достичь этой цели ей не удалось. Рассветовщина применяла разные средства, чтобы столкнуть трудовую русскую массу с пути революционного анархизма: убаюкивала рабочих проповедью непротивления злу и заоблочного блаженства. Рассветовщина старается замедлить ход активного рабочего движения, поэтому она не признает классовой борьбы, отрицает революционный анархизм и под именем анархизма проповедует, вводя в заблуждение не только трудовые массы, но даже многих старых колониальных анархистов, не то мирный „анархизм“, не то демократизм — сам Аллах не понял бы чего эти хаотики хотят.

Главная цель рассветовщины — дезорганизовать Федерацию анархо-коммунистических групп и погубить журнал „Дело Труда“. Вся эта рассветовская братия хорошо знает, что „Дело Труда“ — не частное издание, а издание Федерации Анархо-Комм. групп Соед. Штатов и Канады; хорошо зная, что „Д. Т.“ является чистым анархо-коммунистическим органом и что он со дня своего появления зовет к борьбе за безвластие, эта братия, закрывая на все это глаза, расшаркиваясь перед буржуазным демократизмом и либерализмом, восхваляя милюковщину и керенщину, сочиняет разные пасквили и небылицы на нашу Федерацию и „Д. Т.“, называя последний не-анархическим органом.

„Никакой Федерации А.-К. групп не существует“. „Все арестованные и сосланные, во главе с Боровым, анархисты — на службе у большевиков“. Такие сплетни появлялися на страницах „Рассвета“ изо дня в день. Этими пасквилями рассветовщина сильно себя скомпромитировала. Как рассветовщина не старалась оклевтать всех анархистов, сотрудничавших в „Д. Т.“, разложить Федерацию ей не удалось. Наоборот, наблюдается разложение самой рассветовщины, в недрах которой происходит какое-то брожение умов.

Когда В. Чернов был здесь, то рассветовцы пригласили его прочесть для них ряд лекций и когда он раз'езжал по рассветовским организациям, то на страницах „Рассвета“ не было конца хвалебным гимнам ему. В Калифорнии рассветовцы, защищая Чернова, вступили даже в рукопашную с большевиками. Пригласили к себе Чернова и детройтцы, угощая его кооперативными щами, они зорко охраняли его от большевиков. А Чернов, расхваливая щи, тайно вел переговоры с „Федерацией“ о покупке газеты „Рассвет“ и, как кукушка, клал яйца в чужие гнезда. В профсоюзе Чернов организовал свою ячейку, т. е. профсоюзовцы высидели в своем союзе эсеровскую группу, а потом удивлялись, спрашивая друг друга: как это случилось, что никто этого не заметил? В Нью-Иорке „общественные деятели“ рассветовщины составили единую троицу — Русто: эсеровщина, эсдековщина и рассветов-

щина. Они заявляли, что если им удастся занять государственные посты, они позволят рабочим организовываться в союзы и что союзам будет позволено выходить на забастовки. Таким образом, рассветовские головотяпы показали свою истинную физиономию, которую они скрывали столько лет. В течение многих лет рассветовцы обливали грязью Федерацию и „Д. Т.“ неутомимо обнажавших эту физиономию и вскрывавших их дезорганизаторскую работу.

Перепечатывания хороших анархических статей еще недостаточно, чтобы называть „Рассвет“ анархическим органом, для этого надо быть и самим анархистами. „Если ты признаешь бога — ты раб“, ибо ты неизбежно будешь проповедовать не свободу, а рабство. Рассветовцы так и делают: на словах болтают о свободе, а на деле проповедуют рабство. Печатая статьи об анархизме, „Рассвет“ в том же самом номере печатает и извещение об ОСВЯЩЕНИИ ЦЕРКВИ, призывающее в „этот торжественный день“ посетить храм божий, в котором такой-то баптистский проповедник произнесет проповедь о Христе — пожалуйте, анархо-баптисты, рассветовцы! И так изо дня в день хаотики из „Рассвета“ кормят трудовую массу такой гнилью. И еще имеют смелость заявлять, что члены Федерации ушли из „Рассвета“ не по идейным причинам.

Не удивительно, если какой-нибудь братчик считает рассветовщину анархизмом, о котором он понятия не имеет, но удивительно, что детроитский профсоюз, члены которого десятки лет состояли в рядах анархического движения, также принимает рассветовщину за анархизм. Этот профсоюз так обморочен рассветовщиной, что он уже не в состоянии отличит анархизм от социал-демократизма и эсеровщины. Вся рассветовская братия, повидимому, никогда не была анархистами, а вступила в анархические ряды из-за жалованья и в целях разложения русского анархизма в Амрике, а также и в целях содействия социал-демократии свить свое гнездо. Доказательством последнего является организованное в Нью-Иорке рассветовское „Руссто“.

К. Онацковский (К. Зеленюк).

ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

УРУГВАЙ.

Февральские события.

(От нашего корреспондента)

В Уругвае у власти стоит Партидо Колорадо, состоящая из банковских воротил, коммерсантов и буржуазной интеллигенции. С нею конкурирует другая буржуазная партия — Партидо Бланко, состоящая из крупных землевладельцев, фабрикантов и пр. богатых реакционеров. Здесь же, как и везде, коммунисты стараются ловить рыбу в мутной воде.

Борьба за власть указанных партий в середине февраля с. г. вылилась в вооруженное восстание. Главарь Партидо Бланко, Непомука Саравия, собрал на границе Бразилии и Уругвая вооруженные силы и поднял восстание за власть своей партии. В это же самое время в столице Уругвай, Монтевидео, забузили и большевики, старавшиеся втянуть в эту грязную политическую игру и широкие трудящиеся массы.

12-го февраля Цека партии большевиков назначил всеобщую забастовку и выступление против Партидо Колорадо и президента Терра, помогая тем самым реакционерам из Партидо Бланко, самому Терра и его партии. В свою политическую авантюру большевикам очень хотелось втянуть и анархистов, чтобы потом протрубить на весь мир, что уругвайские анархисты идут рука об руку с партией большевиков и действуют согласно указам Цека их партии, и тем оправдать гонения на анархистов в России. Им также очень хотелось втянуть в свою авантюру и рабочие организации, особенно ФОРА, симпатизирующую анархистам. И действительно, некоторые анархисты пытались принять участие в этой политической авантюре. Мы, русские анархисты, зная природу большевиков, зная их как провокаторов мирового рабочего движения, предупреждали своих уругвайских друзей и советовали воздержаться от участия в этой глупой политической авантюре.

Президент Терра, воспользовался коммунистическим выступлением, как хорошим предлогом, для разгрома всех революционных рабочих организаций. Он поставил на ноги всю полицейскую силу и начал жестокую репрессию и расправу, которые не закончились еще до сих пор. Всеобщая забастовка, провозглашенная коммунистами, конечно не удалась: массы не пошли за ними. Бастовали всего один только день типографские рабочие, таксомоторы и часть омнибусов; фабрики же, заводы, мастерские, трамваи, банки и пр. работали. Население было пассивно. Жизнь города протекала почти нормально, отсутствовали только газеты. Большевистская провокация удалась вполне: администрация Терра развязала себе руки и вместе с арестами коммунистов и разгромом их клубов и организаций, она разгромила все рабочие организации, все революционные организации и арестовала много анархистов. Полиция распоясалась во-всю. Бесчинства тайной и явной полиции не имеют границ. Было, конечно, об'явлено военное положение, пользуясь этим положением, арестованных били и пытали, к ним применяли все методы испанской инквизиции и советских чекистов: вешали вниз головой, обертывали в мокрые простыни и избивали резиной, производили холодный капель на голову и тело, одним ударом вышибали зубы и глаза, выкручивали конечности и т. д. Тюрьмы преполнены. Некоторых анархистов освободили через 5-10 дней, другие же сидят до сих пор, сидят и коммунисты. Что со всеми ими будет дальше — трудно предугадать. Больше всех пострадали иностранцы: болгары, латыши, литовцы, украинцы, поляки и русские. Вся левая печать закрыта. Жизнь замерла. По недавно свободной стране бушует реакция. Аресты и обыски продолжаются до сих пор.

Но такие репрессии и издевательства над трудящимися не проходят даром. За дикую полицейскую расправу, в большинстве случаев над неповинными рабочими, в центре гор. Монтевидео был убит виновник этих полицейских оргий, начальник сыскной полиции. Справедливость восторжествовала. Этот благородный акт справедливости масса трудящихся встретила полным одобрением. Конечно, все хорошо понимают, что нужна не бессмысленная борьба за перемену власти и что отдельный террористический акт не принесет желаемого избавления от насилия и гнета. Нужна иная борьба и иной террор — нужна социальная революция, последний и решительный бой за полное и всестороннее освбоождение всех и каждого и он близок, он не за горами.

Александр Черняков.

Монтевидео, Март, 1932.

БЕЛЬГИЯ.

Испанские события и бельгийские социалисты.

(От нашего корреспондента)

Бельгийские социалисты с давних пор ведут клеветническую пропаганду, направленную против испанских анархо-синдикалистов, извращая бессовестным образом основные цели и принципы революционного синдикализма. Социалистическая пресса в нападках против синдикалистов Испании превзошла буржуазную. Раньше эта антисиндикалистская пропаганда не носила оффициального характера, теперь же, будучи уверенными в успешном водворении „порядка" испанскими социалистами, бельгийские социалисты повели явно контр-революционную пропаганду, всеми силами стараясь дескредитировать испанских анархистов-синдикалистов. И к великому сожалению, надо признаться, что эта гнусная пропаганда до сих пор не встретила никакого отпора.

Испанское революционное движение социалисты обливают грязью, но зато поют восторженные гимны „рабочей республике". Социалистический орган „Ле Пепль" („Народ") в статье от 20—12—31 года, озаглавленной „Первый кризис испанской республики", написанной Жекса, показывает, что от социализма у социал-демократов ничего не осталось. Жекса пишет: „Молодая республика хорошо опирающаяся на силу и влияние организованного класса, несомненно гораздо сильнее нежели это подозревают противники социалистической партии" ... „Борьба классов скоро приобретет свои права и социалисты на это не жалуются" ... У Жекса хватило бессовестности написать эту статью в тот момент, когда испанские социалисты голосовали за законы чисто реакционного характера, направленные против рабочего движения и его организаций. Не следует забывать, что в испанском правительстве имеются социалисты, а в кортесах насчитывается 110 социалистических депутатов и это, однако, „гражданской гвардии" не мешает производить расправу по образцу времен Прима де Ривера, а нашим социалистам петь хвалебные гимны „рабочей республике".

Но „Ле Пепль" дошел до максимума цинизма, когда он (от 10—2—32 г.) облил грязью испанских анархистов и синдикалистов, которых испанское правительство, по примеру Сталина и Муссолини, приговорило к ссылке в Центральную Африку. Автор этой подленькой статейки приходит, между прочим, к следующему заключению: „Первый (революц. синдикализм) добивается торжества анархического индивидуализма, а второй (реформ. синдикализм) хочет помогать нации в ее опытах" ... Это не так уж плохо сказано. Автор статьи повторяет то, что мы всегда говорили и говорим, что социалисты являются стабилизаторами капиталистического режима и что они помогают буржуазии в ее опытах расправляться с революционерами. Действительно, социалисты Испании помогли буржуазии расправиться с анархистами самым жестоким образом, не уступая в жестокости ни Муссолини, ни Сталину. Впрочем им трудно превзойти Сталина: председатель Совнаркома недавно признался, что на лесных предприятиях работают 1,134,000 политических ссыльных.

В то время, когда синдикалисты Испании, рискуя жизнью, защищаются от атак капиталистов, устраивают широкое забастовочное движение, социалисты выпускают летучки, призывающие рабочих продолжать работу и играть роль стачколомов. И „Ле Пепль" гордится такой „преданностью" испанских социалистов интересам буржуазной республике.

Брюссельский Комитет Защиты Анархистов распространяет петиционные листки для протеста против административных ссылок испанских анархо-синдикалистов. Само собою разумеется, на это много надеяться нельзя. Отсутствие хорошо организованной интернациональной анархической организации дает себя чувствовать и этим в широкой мере пользуются наши враги.

Гонда.

ИТАЛИЯ.

Печальная весть.

Карл Треска получил из Женевы, Швейцария, телеграмму от известного товарища, в которой он извещает о тяжелой болезни и бедственном материальном положении Энрико Малатеста.

Малатеста проживает в Риме, и с тех пор как Муссолини стал диктатором, находится под домашним арестом: день и ночь его дом охраняют четыре полицейских; таким образом Малатеста оторван от всего мира, и будучи арестантом в полном смысле этого слова, он, тем не менее, должен жить на собственные средства.

Малатеста — глубокий старик: ему за 80 лет, поэтому легко себе представить как тяжело на него действует нищета и изоляция, в которых он находится.

СОЮЗ СОВЕТ. СОЦИАЛ. РЕСПУБЛИК.

ПОЛОЖЕНИ ДЕЛ В РОССИИ.

(От нашего корреспондента).

Жизнь в России с каждым днем становится все тяжелее и тяжелее. Работаю я на производстве и должен бы быть, кажется, обеспечен насущным куском хлеба, но, поверьте, я нуждаюсь в этом куске хлеба, в куске черного хлеба, о белом, пшеничном, я и не мечтаю — я видел его года 2-3 тому назад. Что касается других продуктов: сельдей, жиров, сахару, мяса, рыбы то они как буд-то в пропасть провалились. Рабочие на мелких производствах страдают от голода и необеспеченности. Правда, не все в нашей стране нуждаются так, как нуждаются рабочие и служащие. Есть каста людей, которая довольна всем, это-щеголяющие с „наганами" заправилы. Их снабжают в первую очередь и для них хватает всего: и продуктов, и промтоваров. Эта каста забросила заветы октября, забыла революционные идеи, щеголяет, опоясавшись портупеями и с наганами на боку. Спрашивается, для чего почти у каждого коммуниста весит на боку наган? Против кого он? Неужели против мирного населения, против тружеников? Неужели нельзя обойтись без этого оружия? Думаю, что можно, нужно только не забывать революционные идеи. А у нас портупея с нагоном руководят революцией. Братство, равенство отошли на задний план.

Коммунисты, проповедовавшие справедливость, сами от нее отказываются, но не по отношению к себе, конечно, а по отношению к народу. Для членов партии открыто все и доступно все, как в царское время для дворян.

Если ты не жулик, не хулиган и не желаешь строить свое счастье на несчастии других, то ты должен страдать, тебя призирают, гонят, называют контр-революционером и т. д.

Мне вспоминаются слова большевички Львовой (это было еще в Америке), которая говорила: „в сов. России мы сделаем для вас рамки, из которых вы не будете выходить". Я отдаю ей дань уважения за откровенность. Эти рамки, действительно, сделаны: „не смей ехать против барина, сворачивай на бок, мужик!.," Это водится и сейчас.

Рабочие физического труда получают по 8,5 кгр. муки в месяц (килограмм равен двум с половиною старым фунтам), а иждивенец (неработающий член семьи) 4 кгр., служащие 4½ кгр., жиров и других продуктов нет — все заграницей. Разве можно прожить на эти 8,5 кгр. муки?

Одежды, обуви, мануфактуры тоже нет. Спрашивается — где она? Почему в такой стране, как Россия, рабочие и служащие без хлеба? Разве можно на все это смотреть равнодушно? Но если что-нибудь скажешь, тебя посчитают хуже всякого контр-революционера, и загремишь на Соловецкие острова. Коммунистическая каста пользуется всеми благами и зорко следит, чтобы никто не заикался, что ему плохо живется. Конечно, обеспеченные всем, они не чувствуют окружающей нужды. Понаделали разных „двацаток", закрытых учреждений, понаставили специалистов и т. д. и снабжают их всеми необходимыми товарами и продуктами. Кто же входит в эти организации? Коммунисты, коммунисты и еще раз коммунисты.

Работаю я сейчас в канцелярии за 80 рублей в месяц, прожить на эти деньги очень трудно. Сами посудите, фунт масла стоит 4-5 руб., пуд муки — 10-15 руб., свинное сало — 4-6 руб. и выше за фунт. Одним словом рыночная цена очень высока, а кооперативная низка, но нет продуктов, одни лишь цены.

Колхозы симулируют, работать не хотят: картошка в поле зазимовала, озимые хлеба посеяны поздно. Не предвидится хорошего урожая. Под озим взорано (вспахано) один раз: лишь бы с рук сбыть. Быстрые темпы вредны для революции...

Я упустил из вида быт бывшего крестьянина. Жизнь крестьянина в настоящий момент самая скверная. Крестьянство обижено. Теперь, между прочим, принято называть не крестьянин, а колхозник: „Крестьянство ликвидировано, как класс". Посмотрим, как ликвидируется крестьянство. Более зажиточные крестьянские семейства были высланы в отдаленные места СССР, как Архангельск и др. Их имущество „раскулачено" и передано колхозам. В колхозах скот попропадал, так как не было за ним досмотра. В колхозы вступали не добровольным порядком, а под принуждением из-за боязни за свою шкуру: одни убоялись ссылки, другие непосильные платить налог, из-за боязни попасть под суд, а оттуда прямым сообщением в тюрьму. Спрашивается, могут ли такие колхозники быть продуктивными?

Колхозник работает из-за насущного куска хлеба, даваемого ему в недостаточном количестве, ибо „излишек" колхоз должен сдать государству, которое за бесценок отсылает их заграницу капиталистам, заставляя своих гражадан голодать. Вот награда тем, кто потом оросил эти „излишки"! А попробуй-ка не сдать „излишек"—испробуешь тюрьму или высылку... Страшна жизнь!..

В нашем крае быстрым темпом вогнали крестьян в колхозы, а теперь, в октябре, выбрасыват их и в принудительном порядке отводят им землю. — Курам на-смех!

Можно ли похвастаться, что мы строим равенство? Можем ли мы похвастаться перед иностранными рабочими своим благополучием?

Представте себе, выпуск продукции нашими заводами из рук вон плох. Бумаги нет, а из заграницы австрийцы пишут нам письма на нашей бумаге. Лошади сдыхают с голода, их ежедневно убивают, вернее добивают из милосердия, десятками и сдирают шкуру. Ужас, до чего можем дойти! Разве тракторы могут заменить лошадей хотя бы на 50%? Ведь Америка куда выше нас и больше всего обработывают землю лошадьми. Наши дороги допотопные, грязные, гнилые, на улицах грязь по-колена, а мы еще стремимся „догнать и перегнать капиталистические страны к концу пятилетки"...

Зарий.

ПОЛЬША.

(От нашего корреспондента)

Начатое дело организации русских анархических сил в Польше подвигается довольно успешно: организована, хотя и немногочисленная, но зато крепко спаянная группа. Ощущается большой недостаток в периодических изданиях и вообще в анархической литературе и мы были бы очень благодарны вам, если бы вы могли придти нам на помощь в этом деле.

Что же касается издательской деятельности Польской Федерации Анарх., то за последнее время ею изданы три брошюры: А. Зухи, Л. Гуар и Р. Р.

Положение рабочего класса ужасно: безработица охватывает все больше и больше промышленных районов; положение крестьян также весьма плачевно.

Фашистское польское правительство продолжает наступать на Рабочий класс: им издан закон об увеличении рабочего дня; шестичасовой субботний рабочий день заменен девятичасовым.

По всей Польше введены военно-полевые суды, которые расправляются с безработными демонстрантами. Если рабочий будет требовать „Хлеба и работы", то он подпадает под военно-полевой суд и, в зависимости от такого как он это требовал, может получить веревку, а если это требование сопровождалось применением силы, то такому никак ни избежать рук Мацеевского — палача, выполняющего смертны приговоры над осужденными.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ.

Заявление Детройтской группы „Дело Труда" по поводу доклада П. Аршинова „Анархизм и диктатура пролетариата" (Париж, Октябрь, 1931 г.)

Ознакомившись внимательно с докладом тов. П. Аршинова мы считем необходимым заявить следующее:

1. Мы всегда стояли на точке зрения классовой борьбы. Мы всегда ратовали за организацию рабочих масс, всех тружеников городов и деревень, которые должны об'единиться помимо и вне контроля политических партий. Мы всегда стояли за целостное политическое и экономическое освобождение рабочих умственного и ручного труда. Вот почему многие среди нас не могли согласиться с „проэктом платформы", который П. Аршинов предлагал для создания анархической партии.

2. Беспощадную и смелую борьбу против контр-революционеров из „Рассветовского" лагеря мы поддерживаем целиком. Эту борьбу мы считаем необходимым продолжать до оздоровления атмосферы среди русских рабочих масс в Сев. Соедин. Штатах и Канады.

3. Революцию Октября (ноября) 1917-го года мы приветствовали, а наши товарищи, анархисты России, словом и делом помогали развитию, углублению и защите достижений и идеалов Великой Октябрьской Революции.

4. Мы не можем присоединиться к поверхностной и не-товарищеской критике П. Аршинова по отношению испанского революционного движения, которое героически борется против власти банкиров, помещиков, эксплуататоров и их верных сподручных лже-социалистов всех мастей и окрасок. Мы надеемся, что наши испанские товарищи сумеют создать крепкое и здоровое революционное движение, которое победит, вопреки террору буржуазии и оголтелой демагогии разных заговорщиков из сталино-троцкистского лагеря.

5. Мы никоим образом не можем согласиться со скороспелыми и шаткими выводами т. П. Аршинова. Идею „диктатуры пролетариата" мы отвергали и сейчас целиком отвергаем. Опыт русской революции и ее развития за последние 14 лет нам лучше всяких теорий доказал, что „диктатура пролетариата" является лишь псевдонимом, жалким фиговым листочком для действительной и жестокой диктатуры над громадным большинством пролетариата, даже над большинством членов коммунистической партии, которыми правит небольшая группка оголтелых фанатиков (Полит. Бюро В. К. П.), предающая Г. П. У. даже своих ближайших соратников за малейшую попытку самостоятельной мысли, за малейший „уклон", за робкую даже попытку критиковать

6. Во имя подлинных интересов многочисленных рабочих масс России, во имя идеалов Октябрьской Революции, мы считаем нашим долгом бороться:

а) за действительную организацию пролетариев городов и деревень в мощные и дееспособные рабочие союзы, об'единенные снизу вверх во Всероссийскую Конфедерацию Труда;

б) за Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, вполне независимые от диктатуры правительства и политических партий;

в) за свободу организаций и собраний, за свободу слова и печати для всех социалистических течений *внутри* рабочего класса России.

г) за немедленное освобождение из тюрем и ссылок Г. П. У. всех социалистов и анархистов. За предоставление возможности легального возврата в Россию всех депортированных товарищей.

7. Призыв П. Аршинова „вступить в тесный контакт" с большевистским правительством мы считаем недостойной насмешкой над судьбой многострадальных рабочих и крстьянских масс, откровенной изменой лучшим идеалам наших товарищей, которые вот уже десять лет томятся в тюрьмах, политических изоляторах и гиблых местах всероссийской охранки — Г. П. У.

8. Мы решительно отмежевываемся от дальнейшей деятельности Аршинова и призываем всех товарищей и сочувствующих крепче сомкнуть ряды вокруг единственного органа анархической мысли на русском языке — вокруг „Дело Труда".

Детройтская Группа „Дело Труда".

РЕЗОЛЮЦИЯ СОЮЗА РОССИЙСКИХ ТРУЖЕНИКОВ ГОРОДА МОНТРЕАЛЯ, КАНАДА, О П. АРШИНОВЕ.

Союз, обсудив на своем деловом собрании брошюру Аршинова: „Анархизм и диктатура пролетариата. (Доклад конференции анархо-коммунистических групп Северной Америки и Канады)“, постановил:

1) Союз по прежнему будет твердо стоять на почве анархического коммунизма и по прежнему будет бороться против всякой власти и капитала, против всякого рабства и эксплоатации, кем бы и во имя чего бы она не практиковалась, поэтому Союз отказывается поддерживать тиранов-большевиков и их рабство.

2) Союз решил стойко бороться против большевистского режима. Наш долг разоблачать их контр-революционные дела. Честные революционеры не только не могут поддерживать большевиков и введенное ими, при помощи диктатуры, римское рабство, но и спокойно терпеть его. Союз рекомендует всем честным революционерам последовать его примеру.

3) Союз в праве думать, что П. Аршинов изменил своим принципам не по идейным соображениям.

4) Союз не сожалеет о повороте Аршинова к палачам русского народа — скатертью дорога. Когда нибудь русский народ воздаст всем по их делам. Для Союза предложение Аршинова неприемлемо, Союз будет дружно и организовано бороться за освобождение всего трудового народа и за анархо-коммунистический строй.

Да здравствует анархо-коммунистическая революция!

Секретарь Союза

Гр. Мартынов.

3-го апреля, 1932 г.

ТОРОНТО, КАНАДА

НАША КОЛОНИЯ.

В Торонто, как и в других городах Америки и Канады, свирепствует враг трудового народа — безработица, убившая, активную творческую деятельность трудовых масс.

Русских здесь насчитывается около 4-х тысячь, из коих только немногим счастливчикам удалось пристроиться к жизни более или менее сносно, большинство же колонистов влачит скудное существование.

Украинцы здесь сильнее русских: в Торонто имеется пять украинских организаций, а русских только три. Украинцы имеют свои общественные дома, а при них любительские театры с довольно многочисленными драматическими секциями. Русские до сего года не могли проявить себя, так как им приходилось ютиться по чужим домам, в большинстве случаев малопригодным для организационной работы. Лишь благодаря инициативе Русского Прогрессивного Общества Взаимопомощи, — целью и задачей которого является об'единение всех российских выходцев в одну братскую семью для поднятия образовательного уровня трудящихся масс — приобревшего свое собственное помещение, стало возможным шире вести культурно--революционную работу, которая необходима каждому из нас .

Русское Прогр. Об-ство Вз-щи имеет довольно богатую библиотеку, при нем же организованы русско-украинский театр и школа музыки. Общ-во сделало очень много полезного для русских, взяв на себя великую задачу осветить светом правды все темные углы нашей колонии. Благодаря этому свету люди скорее поймут, что жизнь без диктаторов и без эксплоатации на основах добровольного соглашения есть единственная достойная человека, и что только при такой жизни человек будет свободно наслаждаться всеми доступными благами природы и человеческой деятельности. Но для завоевания такой жизни нужно учиться, бороться и воспитывать в себе дух самодеятельности. Об-во содействует этому по мере своих сил и своего разумения.

Н. Лагота.

НЬЮ-ИОРК, Н. И.

Деятельность нашей группы.

Группа Анархистов-Коммунистов гор. Нью-Иорка с самого возникновения неуклонно стремилась к созданию массовой анархической организации, при помощи которой можно было бы шире развернуть анархическую деятельность среди русской колонии. Это стремление вытекало из того сознания, что групповой характер деятельности пригоден лишь для подготовки членов к пропагандистской работе, для издания журнала и литературы и для их распространения.

1929 году группа попыталась создать массовую организацию Клуб Свободной Мысли. Опыт оказался неудачным и группа больше не делала в этом направлении никаких попыток.

В прошлом году группа приступила к открытой деятельности и, начиная с 15 ноября, ею было устроено на разные политические темы семь лекций, которые обычно сопровождались горячими дискуссиями. Лекции читались товарищами, не состоящими в федерации, но готовыми принять участие в практической деятельности таковой. Этим группа лишний раз подчеркнула, что она, хотя и является выдержанным анархо-коммунистическим коллективом, считает необходимым в практической деятельности кооперировать с товарищами, стоящими вне федерации. В среднем на каждой лекции присутствовало около 50 человек: если принять во внимание предыдущий период анархического затишья, то эту посещаемость можно считать весьма

значительной.

Из нижеприводимого финансового отчета товарищи могут видеть, что за вышеотмеченный, сравнительно короткий, период группа собрала на журнал значительную сумму денег в виде однодолларовых членских взносов. Товарищи сознают, что журнал „Дело Труда" является единственным серьезным революционным анархическим органом на русском языке, поэтому они, не взирая на безработицу, охотно отчисляют по доллару в месяц в фонд журнала.

Заканчивая свою заметку, группа заявляет, что она и впредь намерена вести с прежним упорством и энергией работу по подготовке социальной революции и по распространению идей анархического коммунизма.

Корреспондент.

БЕТЛЕГЕМ.

Уваж. тов. Новик, я так понимаю, что „Д. Т." является единственным органом на русском языке, несущим свет и правду, и мы должны употребить все силы, что бы он выходил регулярно. Но вот беда—кризис всех нас душит. Возьму для примера себя: за две недели моя получка равнялась 6 дол. 78с., а семья-то моя из шести душ. Однако, я считаю своим долгом поддержать журнал: жертвую два дол., а вместе со мною жертвуют еще по доллару *В. Спиняк* и *Сергей Феденко.*

С тов. прив. *В. Савчук.*

РАЗНОЕ.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ „НОВОГО МИРА".

За неимением места в нашем журнале, мы не могли ответить на статейку фашистского характера некоего Б. Невского: „Анархизм — фиговый листок белогвардейщины", помещенной в № 13 „Нового Мира". Мы надеемся это сделать в следующем номере.

Сейчас же мы хотим сделать лишь предварительное замечание на слова статьи, что „миллионы бывших рабов помещиков и фабрикантов, в результате руководства партии Ленина — ВКП(б), стали свободными тружениками". Одному из этих бывших „рабов" нами была выслана книга: „Интернациональный Сборник П. А. Кропоткин и го Учение". Книга возвращена почтой с надписью по-французски: „Reteur Commeinterdit a l'entree par l'Administration des ouvrages de presse", что означает: „возвращается, как запрещенная к ввозу комиссией по делам печати", т. е. Главлитом. Итак, „свободные труженники" СССР НЕ ИМЕЮТ СВОБОДЫ на чтение книг по своему выбору и должны читать то, что им разрешает „партия Ленина — ВКП(б)". В большевистских головах все перепуталось — что раньше все социалисты называли свободой, в том числе и Ленин, они называют теперь рабством, а рабство — свободой, революцию (см. статью Герхарда) — контр-революцией, а контр-революцию (свой режим) — революцией.

Однако обо всем этом мы подробно поговорим в следующем выпуске „Дела Труда".

Г. Максимов.

ПЕРЕМЕНА АДРЕСА.

Группа анархистов-коммунистов содействия „Дело Труда", Монтевидео, Уругвай, доводит до сведения товарищей, что ее настоящий адрес —

D. Elak, Calle Centro America, 362, Montevideo, Villa del Cerro, Rep. O del Uruguay.

ЗАПРОС.

22-го июля 1929 года мною было послано 10 дол. в пользу тов. Н. Махно по адресу Комитета, воззвание которого было помещено в № 48-49 „Д. Т." (Mr. Couderc, 101, rue de Charonne, Paris. Cheque Postal, Couderc, 521-48, Paris.)

Отчета об этих деньгах я нигде не видел. Мое писание Комитету и Махно осталось без ответа. Не желая, чтобы этими деньгами воспользовалась почта, я еще раз обращаюсь к Комитету и Махно с просьбой дать указание относительно этих денег.

NICK FEDENKO,
807 N. 4th St., Allentown, Pa.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция извиняется за прошлый № „Дело Труда", в котором, благодаря непростительной небрежности наборщика, перепутавшего строки статей после последней корректуры, статья тов. Новика оказалась неудобочитаемой. Этот № был неожиданным сюрпризом и для нас самих. С переменой типографии, мы надеемся, подобные явления не повторяться.

По недосмотру корректора под резолюцией Прогрессивного Клуба гор. Чикаго ошибочно поставлен 1931 год вместо 1932-го года.

К СВЕДЕНИЮ
РУССКИХ ПРОЖИВАЮЩИХ ВО ФРАНЦИИ.

Интернациональный сборник „П. А. Кропоткин и его учение" продается в магазине Франзена.
11 rue de Cluny, Paris (V)

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ЖУРНАЛ „ДЕЛО ТРУДА"

ОТЧЕТЫ.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ
Нью-Иоркской группы Анархо-Комм.
(15 ноября, 1931 — 4 марта, 1932)

ПРИХОД:

Шапочный сбор на лекциях......................26.88
Членские взносы на „Д. Т.“.......................43.00
Собрано тов. Душину.................................12.00
ИТОГО..........81.88

РАСХОД:

Арендная плата помещений под лекции............20.00
Газетные заметки о лекциях........................ 4.85
Отослано в редакцию „Д. Т.“........................43.00
Отослано тов. Душину..................................12.00
ИТОГО..........79.85

ПРИХОД.......................81.88
РАСХОД...........................79.85
ОСТАТОК.......................2.03

Отчет редакционной коллегии по изданию журнала „Дело Труда“ № 68-69.

ПРИХОД:

От В. Арсенюка, Вотербури, Конн., за проданные журналы — 5.00, Союза Русск. Раб., Лос Анжелес, в фонд „Дело Труда — 10.00, Л. Лазарева, Рочестер, за прод. журналы — 1.50, С. Феденка, Бетлегем, Па., в фонд „Д. Т.“ — 2.00, М. Беренстейна, Швейцария, за сборник Кропоткина — 1.00, Н. Лаготы, Торонто, Канада, — 3.10 за прод. жур. и — 4.55 за прод. сборн. Кропоткина, Группы гор. Детройт через Маслова в фонд „Д. Т.“ — 6.00, С. Сачевичика, Чатгем, Канада, за прод. жур. — 1.00, Союза Российск. Тр-в, Монтреаль, Канада, через Гина, за прод. жур. — 5.00, Ф. Серадоенкова, Балтимор, — 5.00 за прод. жур. и — 10.00 в фонд „Д. Т.“, И. Волкова, Чикаго, за прод. жур. — 4.30.

ВСЕГО: 58.45

РАСХОД:

Типография — 89.00. Экспедиция журнала — 11.50. Мелкие почтовые расходы — 1.30. Выплачено в комитет сборника — 5.55.

ВСЕГО: 107.35

ОБЩИЙ ПРИХОД *58.45*
ПЕРЕХОДНАЯ СУММА 55.67
ИТОГО: 114.12
ОБЩИЙ РАСХОД: 107.35
ОСТАТОК НА № 70—71.............................6.77

ПОДПИСНЫЕ ЛИСТЫ
На сборник „П. А. Кропоткин и его учение“

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ № 4.
(Ст.-Луис)

Жертвовали: В. Шурхай — 1.50; М. Хведченя — 3.00; М. Родивончик — 2.00; М. Ковалевич — 1.50. Всего: 8.00.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ № 6.
(Шенандоа, Па.)

Жертвовали: по доллару: В. Ящук, Шахтер, Рутковский, Ф. Жук. Всего: 4.00.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ № 7.
(Чикаго)

Жертвовали: Е. Егоров, Элджин, — 1.00; Л. Скобликов — 1.00; Мойсюк — 2.00; С. Миллер — 1.00. Всего: 5.00.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ № 8
(Чикаго)

Жертвовали: К. Засимович — 10.00; С. Александр — 2.00; П. Дейч — 2.00; А. Дубинка — 5.00. Всего: 19.00.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ № 21.
(Филадельфия)

Собрано тов. Лоренц. Жертвовали: Л. Зелик — 2.00; В. Мурашко — 0.50; Н. Антон — 0.50. Всего: 3.00.

Подписались на сборник: Д. Петров, Ст. Горощенко, А. В-ский, Ф. Д., Л. Сегал, Е. Ярик, Володя, И. Полюбанский, М. Воро, Полеки. Всего подписки — 10.00. Дали взаимообразно: С. Ларикс — 5.00; П. Логан — 5.00. Всего: 10.00. Итого: Пожертвовано — 3.00; Подписка — 10.00; Позаимствовано — 10.00. Общая сумма — 23.00.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ № 22.
(Филадельфия)

Собрано тов. Гринюком. Жертвовали: П. Марфел — 1.00; Н. К. — 1.00. Всего: 2.00. Подписались на сборник: Н. Гринюк, П. Марфел, Н. Антипин, Е. Димитров, М. Подопригора, Ф. Д-к. Всего: 6.00. Дали взаимообразно: Н. Гринюк — 10.00, Дмитрович — 5.00. Всего: 15.00

ИТОГО: Пожертвовано — 2; Подписка — 5.00. Позаимствовано — 15.00. Общая сумма: 23.00.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ № 23.
(Филадельфия)

Собрано тов. Белополом. Жертвовали: Кудацкий — 1.00; Б. Годунов — 0.25; В. Косарь — 2.00. Всего: 3.25. Подписались на сборник: Н. Белокурский, Ф. Бушман, Н. Свиридюк, Я. Кравчук, А. Захаров. Всего: 5.00. Дали взаимообразно: М. Подопригора — 15.00.

ИТОГО: Пожертвовано: 3.25; Подписка: 5.00; Позаимствовано: 15.00. Общая сумма: 23.25.

ИТОГО по подписным листам №№ 4, 6, 7, 8, 21, 22, 23 собрано: ПОЖЕРТВОВАНИЙ — 44.25; ПОДПИСКА — 21.00 ПОЗАИМСТВОВАНО—40.00; ОБЩ. СУММА—105.25.
